

РАЗВЕДКА ► И ◀ КОНТРАЗВЕДКА

ДЭВИД ДАЛЛИН

СОВЕТСКИЙ ШПИОНАЖ

В ЕВРОПЕ И США

1920-1950 ГОДЫ

Разведка и контрразведка

Дэвид Даллин

**Советский шпионаж в Европе
и США. 1920-1950 годы**

«Алисторус»

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

Даллин Д.

Советский шпионаж в Европе и США. 1920-1950 годы /
Д. Даллин — «Алисторус», — (Разведка и контрразведка)

ISBN 978-5-906914-51-4

Точное описание событий, связанных с деятельностью советской разведки в 20—50-е годы прошлого века, а не изложение отдельных «шпионских историй» – такую цель ставил перед собой автор, когда в течение 10 лет работал над этой книгой. В результате получился фундаментальный труд, который значительно превосходил другие аналогичные произведения, написанные во второй половине XX века и посвященные деятельности советской разведки до начала «холодной войны».

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906914-51-4

© Даллин Д.
© Алисторус

Содержание

Глава I. Истоки советской разведки	6
Старое и новое	6
Двойная сущность советской разведки	13
Глава II. Франция перед Второй мировой войной	18
Неохотное сотрудничество с коммунистами	18
Жан Креме и кризис 1927 года	22
«Генерал Мюрейл» и Ян Берзин	26
Для разведки – пора расцвета	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дэвид Даллин
Советский шпионаж в Европе
и США. 1920–1950 годы

© Хлобустов О. М., предисловие, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Глава I. Истоки советской разведки

Старое и новое

Хотя разведывательная сеть, созданная в старой России перед началом и во время Первой мировой войны, почти не уступала системам ее западных союзников и противников, советский режим был вынужден создавать свою секретную службу на голом месте. Скорее по причине революционных настроений, чем из практических соображений царская государственная машина была разрушена до самого основания, и прежние агенты использовались только в виде исключения. Дореволюционная полиция и служба разведки не входили в число институтов, к которым новая власть относилась достаточно терпимо.

Техника, методы и персонал новой секретной службы были заимствованы скорее из подпольного опыта русских революционных партий, чем из старой тайной полиции и разведки. Два поколения революционеров до 1917 года довели подпольную технику до беспрецедентно высокого уровня. «Конспирация», которая в русском понимании означала свод неукоснительных правил тайной политической деятельности, вошла в кровь и плоть революционеров. Искусство подделывания паспортов достигло совершенства, широко применялись шифры, хотя зачастую и примитивные, симпатические чернила, телеграфные коды. Нелегальную литературу и оружие доставляли на место, используя технику «двойного дна». Многие термины, поныне применяемые в советских секретных службах, пришли из дореволюционного подполья. «Явка» – это дом или квартира, куда является агент, «дубок» – место, где спрятаны сообщения, «нелегал» – человек с фальшивым паспортом, «больница» – тюрьма, «болезнь» – арест и т. д.

Руководство секретной службы за границей набиралось из рядов зрелых коммунистов. Прошло целое десятилетие, прежде чем за границу были посланы молодые выпускники разведывательных школ.

Первой советской организацией, которая начала систематическую разведывательную работу за границей, была ЧК под руководством Феликса Дзержинского¹. Её иностранный отдел (ИНО) был организован в 1921 году. Примерно в это же время приступили к работе и другие службы. Военный комиссариат под руководством Льва Троцкого создал собственный разведывательный орган. Комиссариат иностранных дел во главе с Чичериным и Литвиновым собирал секретную политическую информацию с помощью своих официальных и полуофициальных

¹ ЧК (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем) была учреждена 20 декабря 1917 г. и вскоре переименована в ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия). 6 февраля 1922 г. она была реорганизована в ГПУ – Государственное политическое управление, а в 1934 г. оно стало ОГПУ – Объединенным государственным политическим управлением. ОГПУ прекратило свою деятельность в июле 1934 г., но его функции были переданы ГУГБ (Главное управление государственной безопасности), которое было отделом НКВД – Народного комиссариата внутренних дел. 3 февраля 1941 г. ГУГБ был отделён от НКВД и получил статус народного комиссариата – НКГБ – Народного комиссариата государственной безопасности. Однако в июле того же года это решение было отменено, и НКГБ снова становится частью НКВД. В апреле 1943 г. ГУГБ снова становится НКГБ. В марте 1946 г., когда все народные комиссариаты были переименованы в министерства, НКГБ превратился в МГБ – Министерство государственной безопасности, а НКВД стал МВД – Министерством внутренних дел. 15 марта 1953 г., т. е. после смерти Сталина эти министерства были объединены. МГБ в третий раз стало частью МВД. 13 марта 1954 г., после казни Берия, государственная безопасность снова была отделена и получила название КГБ – Комитет государственной безопасности. Возглавил его генерал Иван Серов. Эта череда изменения названий не имела существенного политического значения, однако множество имён, принадлежащих одной и той же организации, может спутать читателя. Поэтому в книге повсюду эта организация будет называться ГБ (Государственная безопасность), за исключением тех случаев, когда окажется необходимым использовать точный термин. В этой пространной ссылке автор допустил ряд неточностей. Чрезвычайная комиссия сразу получила наименование Всероссийской. Создание ОГПУ произошло не в 1934 г., а в 1923 г. Решение об объединении МГБ и МВД было принято не 15, а 5 марта 1953 г. (Прим. пер.)

представителей за границей. Коммунистический Интернационал, которым руководил Зиновьев, обладал развитой сетью в зарубежных странах и стал центром, куда стекалась обильная информация из всех важных столиц. Народный комиссариат внешней торговли, руководимый Красиным, собирал через свои легальные торговые связи сведения главным образом по экономическим вопросам. Центральный Комитет Коммунистической партии имел агентов, которые доносили о жизни в колониях сограждан за рубежом и о событиях в коммунистическом движении.

Перед ЧК и ее многочисленными преемниками (далее будем называть их просто НКВД) ставилась главная задача – борьба с контрреволюцией. Была задействована контрразведка. Шпионаж за рубежом не входил в круг ее обязанностей. Теоретически на ЧК и ее преемников, несмотря на их агрессивные признаки, возлагались оборонительные функции, как и на ФБР в Соединенных Штатах. Целью была борьба с тайными политическими организациями и иностранными шпионами внутри страны, которая не предусматривает никаких операций за пределами страны. Когда Ленин впервые предложил создать ЧК, предполагалось, что она будет наделена «чрезвычайными полномочиями для борьбы с контрреволюцией». Сталин также подчеркивал, что ГПУ призвано защищать революцию против контрреволюции, саботажа, кулацких мятежей, тайных белогвардейцев².

Иностранный отдел ЧК (ИНО) был основан в 1921 году, и во главе его стал ветеран-большевик Михаил Трилиссер³. К тому времени остатки белых армий, бегущих из России, докатились до Балкан, многие тысячи эмигрантов осели в Париже и Берлине. Чтобы расколоть политическую эмиграцию и развалить сохранившиеся русские антисоветские военные силы, ЧК посылала своих агентов и набирала шпионов и провокаторов среди эмигрантов. Эти действия, хотя и проводились на зарубежных территориях, все еще рассматривались как вынужденная оборона – как «борьба против контрреволюции».

Вскоре, однако, ИНО и его агенты за рубежом перешли от оборонительной стратегии к наступательной и сосредоточили свое внимание главным образом на политической информации и закулисных событиях. Новые резиденты НКВД обслуживали Коминтерн, особенно его нелегальные маршруты пересечения границ. Они находились в тесном контакте с новым коммунистическим подпольем в разных странах, перевозили оружие, создавали Т-группы (террор), Д-группы (диверсии), чтобы быть готовыми на случай «неизбежной» революции. Только к середине 20-х годов революционный хаос начальных лет сменился бюрократическим порядком, потребовалась большая эффективность работы, начали поступать точные приказы. Разведдеятельность всех видов стал неотъемлемой частью НКВД: шпионаж против русской эмиграции, шпионаж против зарубежных стран, тотальная слежка за советскими гражданами за границей. Советские посольства и дипломатические миссии служили прикрытием тайной деятельности НКВД.

Вторым советским агентством с разведывательными функциями был Четвертый отдел Генерального штаба Красной Армии, позже переименованный в ГРУ – Главное разведывательное управление, иногда сокращенно называемое «Разведупр». О нем никогда не писали в прессе, оно избегало известности, но никогда не скрывало своих целей и функций. Иногда, в силу необходимости, советским разведывательным органам приходилось работать в контакте с иностранными спецслужбами. Так, например, во время Второй мировой войны ГРУ и его шефы официально действовали совместно с американской и британской разведками. Первым начальником ГРУ и его главой в течение пятнадцати лет был Ян Берзин, выдающаяся личность

² Lenin, Works, 26 (4th ed. Moscow, 1949), 336. Stalin, Works, 10 (Moscow, 1949), 234.

³ Автор ошибся, говоря, что Иностранный отдел ВЧК был организован в 1921 г. На самом деле точная дата создания его – 20 декабря 1920 г. Первым начальником ИНО, по Даллину, якобы стал Михаил Трилиссер. Но он был назначен на эту должность только в мае 1922 г., а до него внешней разведкой по линии госбезопасности руководили Я. Х. Давыдов (Давтян), Р. П. Катанян и С. Г. Могилевский. (Прим. ред.)

и прекрасный организатор. Он начинал как товарищ Берзин, потом стал армейским комиссаром Берзиным, потом генералом Берзиным, а кончил свои дни обвиняемым Берзиным. Его приговорили к смерти и казнили.⁴

По своей структуре и роду деятельности ГРУ не отличалось от военных разведывательных органов иностранных армий. Его главными агентами за рубежом были военные, военно-воздушные и военно-морские атташе и их сотрудники. В числе его подразделений в Москве были такие, которые занимались руководством заграничными агентами, отбором и оценкой информации, радиосвязью, кодами, диверсиями, фальшивыми документами и другими вопросами. Некоторые агенты ГРУ были хорошо известны: Клаус Фукс, супруги Розенберг, Рихард Зорге, Бруно Понтекорво и те русские, с которыми они имели контакты, как, например, Анатолий Яковлев, Валентин Губичев и многие другие.

Четкого разделения функций между НКВД и ГРУ никогда не существовало. Формально армия и флот, мобилизационные планы и новые виды вооружения относятся к области военной разведки, а идеологические операции, соглашения, секретные договоры – к области интересов НКВД. Но на самом деле их функции все время перекрывались, и сфера полномочий никогда точно не определялась, что было отнюдь не случайно.

НКВД всегда преобладала над другими структурами, она могла рекрутировать информаторов из их персонала и внедрять туда своих людей, когда считала это необходимым. Армия не составляла исключения, все ее подразделения были насыщены информаторами НКВД. Не было ни одного батальона или офицерского клуба, где не было бы «внутреннего» информатора НКВД. Это в равной мере относится и к разведывательным структурам ГРУ за границей. НКВД за рубежом тщательно следит за персоналом военной разведки – военными атташе, их сотрудниками и агентами, их корреспонденцией и общественными контактами. Армия не имеет равных с НКВД прав, она не может проникнуть в ее подразделения или следить за ее персоналом, не может никого из них арестовать или наказать. Она постоянно находится под угрозой террора, но лишена возможности применить контрмеры. Агенты ГРУ каждый день рискуют жизнью в своей тайной работе за рубежом, находясь под неусыпным, безжалостным и раздражающим надзором соперничающей структуры.

Длительное время Сталин поддерживал нечто вроде шаткого баланса между армией и НКВД, поощрял соперничество между ними, что распространялось и на их зарубежные структуры, возбуждал взаимную подозрительность. Сталин не мог отдать предпочтение армии, потому что победа военных в их конфликте с НКВД означала бы ослабление жесткого партийного руководства и угрожала подрывом его власти. Но точно так же было невозможно отдать армию на съедение НКВД, что разрушило бы советские вооруженные силы. До середины 30-х

⁴ Как и ГБ, ГРУ меняло название в течение трех десятилетий, хотя эти изменения имели меньшее политическое значение. Оно последовательно называлось Регистрационным отделом Красной Армии, Вторым бюро Генерального штаба. Четвертым отделом, Седьмым отделом и, наконец, Главным разведывательным управлением Генерального штаба. Морская разведка, как отдельное подразделение, появилась в 1940 г. Среди четырех отделов ГРУ самым важным и представляющим наибольший интерес является оперативный, который ведет разведку за границей. Он разделен на восемь секций: 1 – Западная Европа; 2 – Средний Восток; 3 – Америка, Дальний Восток, Индия; 4 – данные технического характера, главным образом о вооружениях; 5 – террористические акты за рубежом, саботаж, похищения и т. д.; 6 – фальшивые документы и новая шпионская техника; 7 – разведывательные операции в различных приграничных областях; 8 – коды и шифры. Источник: Testimony of Ismail Ege, Oct. 28, 1953, Senate Committee on the Judiciary, Hearings before the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act, Interlocking Subversion in Government Departments (Washington, 1953) pp. 1012-16. Создание советской военной разведки датируется 5 ноября 1918 г. Ее последовательные наименования вкратце выглядят следующим образом: Регистрационное управление Полевого штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии, Разведуправление Штаба РККА, Разведывательный отдел Управления 1-го помощника начальника Штаба РККА, IV Управление Штаба РККА, Информационно-статистическое управление РККА, V Управление Наркомата обороны, Разведывательное управление Генерального штаба и, наконец, с 1942 г. – Главное разведывательное управление Генерального штаба. Первым руководителем советской военной разведки был С. И. Аралов. Что касается Я. К. Берзина (настоящая фамилия – Кюзис), то он с перерывами возглавлял её с 1924 по 1937 гг. Упоминаемые иногда в тексте книги Четвёртый и Пятый «отделы армии», – это искажённое обозначение вышеуказанных органов разведки: IV и V Управлений. (Прим. ред.)

годов НКВД и военная разведка сосуществовали относительно мирно, хотя их внешние органы работали в условиях жестокой конкуренции. Но в 1936–1937 годах Сталин нарушил это равновесие. Дело Тухачевского, сфабрикованные заговоры с их ужасающими подробностями, аресты и ссылки тысяч военных означали победу и отмщение НКВД над своим заклятым врагом – армией. В чистке, которая последовала за делом Тухачевского, большое число лучших военных разведчиков кануло в вечность. И к 1938–1939 годам ослабленное и беспомощное ГРУ предстало перед торжествующей победой НКВД.

Во время войны армия снова заняла почетное место, и соперничество между разведывательными структурами за рубежом несколько поутихло. Было налажено сотрудничество между НКВД, ГРУ и агентами Коминтерна. После окончания войны появился КИ – Комитет информации (КИ), в котором НКВД и ГРУ должны были работать совместно под контролем Министерства иностранных дел. Но этот эксперимент был признан неудачным, в 1948 году ГРУ заняло свое прежнее независимое положение, а КИ в 1951 году просто стал частью НКВД⁵.

После 1945 года НКВД все же взяла верх над армией, и внешним признаком этого было возвышение шефа НКВД Лаврентия Берия до маршала и присвоение высоких воинских званий руководству НКВД. Одним из признаков усиления НКВД в первое послевоенное десятилетие был резкий рост ее активности за рубежом, которая превзошла разведывательную деятельность Советской Армии.

Особенность советской разведки состояла еще и в том, что высшее руководство ею всегда принадлежало Центральному Комитету Коммунистической партии. От ГРУ, от Иностранного отдела НКВД, от Министерства внешней торговли, от собственных агентов за рубежом Центральный отдел информации Политбюро с середины тридцатых годов получал такой объем информации, каким не располагало ни одно правительство. Во времена сталинского режима Центральный отдел информации был частью его личной канцелярии, а его руководителем в течение многих лет являлся Георгий Маленков – помощник Сталина⁶.

Советские разведывательные органы за границей состояли из официально признанных посольств и дипломатических миссий, а также большого числа тайных групп и отдельных агентов.

Советское посольство – это даже не источник, а фонтан информации, это структура, которая содержит четыре, а иногда и пять составных частей. Внутри него оба советских разведывательных органа держат своих сотрудников: ГРУ, чью группу возглавляет военный атташе, и НКВД, чьи работники занимают должности секретарей, советников или атташе. Другие советские организации также имеют своих представителей среди персонала посольства. Они тоже часто выполняют тайные функции. Хотя агенты юридически являются сотрудниками посольства и обладают дипломатическим иммунитетом, они подчиняются своему московскому начальству и практически не зависят от посла. Каждый из них имеет свой штат, код, бюджет и секреты, которыми ему запрещается делиться со своими коллегами. Официальные названия должностей часто могут ввести в заблуждение: скромный привратник нередко оказывается представителем серьезной организации, секретари служат посредниками в сношениях с тайной агентурой, все без исключения дипломатические курьеры являются работниками НКВД.

⁵ Сославшись в оригинальном тексте на источник *Royal Commission of Espionage, Official Transcript of Proceedings Taken at Melbourne* (1954), pp.75-7, 153-5, 157, автор воспользовался не всегда корректными западными материалами. Комитет информации при Совмине СССР с функциями политической и военной внешней разведки был создан в 1947 г. Лишь в 1949 г. перешел в подчинение Министерству иностранных дел. Упразднен в 1958 г. Но уже в 1951 г. перестал заниматься разведработой, передав её в тогдашнее Министерство госбезопасности. (Прим. ред.)

⁶ При ЦК РКП, ЦК ВКП(б) и ЦК КПСС имелся Информационный отдел (др. наименование, встречающееся в документах – Отдел информации). Он существовал с перерывами в 1920-24 гг., в 1924-30 гг., в 1958-59 гг., в 1965-68 гг. Однако не было никакого узаконенного «центрального отдела информации» при Политбюро ЦК партии. Г. М. Маленкова можно назвать «помощником Сталина» лишь в образном смысле. Работая в 20-30-х гг. в структурах ЦК и Политбюро, он ведал в основном кадровыми вопросами, в т. ч. связанными с органами госбезопасности. (Прим. ред.)

В дополнение к официальным представителям в зарубежных странах работала сеть агентов со своими субагентами, ресурсами, фондами и каналами связи с Москвой, о которых не знали ни военные атташе, ни другие посольские разведчики. Они являлись существенной частью советского разведывательного аппарата. Агенты этого класса выполняли множество задач. Их доклады позволяли Москве проверять данные, полученные из других источников, а в случае войны или разрыва дипломатических отношений эти резиденты продолжали работу и служили центром разведывательной сети. К тому же слежка за дипломатическим персоналом, как это бывает во многих странах, не могла вывести на них полицию. До того, как советское правительство получило признание и прежде, чем начали работать первые торговые представительства, этот вид разведывательной деятельности был единственно возможным. Во время войны 1941–1945 годов он приобрел большой размах, особенно в Швейцарии и Германии.

Многие правила конспирации и техники шпионажа были заимствованы из дореволюционной практики, а потом обновлены и усовершенствованы. Однако начали использоваться также новая техника и научные достижения.

В качестве самой простой защиты служат псевдонимы. Все клички присваиваются только московским Центром. Эта предосторожность необходима для того, чтобы избежать дублирования. Резиденты и агенты знают друг друга только по псевдонимам, по понятным причинам строго запрещается пытаться узнать настоящее имя.

Среди новых терминов появились такие, как «музыкальная шкатулка» – радиопередатчик, «башмак» – паспорт, «сапожник» – специалист по подделке паспортов. Местная коммунистическая партия – «корпорация», другие агенты в данной стране (или в посольстве страны) – «соседи». Применяются также условные названия государств. Так, Германия может называться «Джерси», Франция – «Флоренция», Британия – «Бразилия». Шеф военной разведки в Москве – «директор», а его первый заместитель – «командир».

Существует правило, по которому агенты не должны приходить домой друг к другу или звонить по телефону из дома, если только речь не идёт о совсем невинном деле. Нельзя посылать письмо непосредственно члену своей группы, вся корреспонденция должна идти через людей, с которыми агент поддерживает дружеские отношения и которые не являются активными коммунистами. Письменные сообщения должны быть уничтожены как можно быстрее (кроме, разумеется, случаев, когда это происходит в офисе посольства). Накопление документов и ведение дневника считается преступным действием.

Встреча двух советских разведчиков обычно происходит в людных местах, например в музее или в почтовом отделении. Если встреча назначена на улице, то место и время выбираются так, чтобы отдельный пешеход не привлекал внимания.

Пунктуальность очень важна, агент не должен ждать на условленном месте слишком долго, если связной опаздывает, он уходит и возвращается туда несколько позже. Оба агента пользуются паролями, состоящими из одной-двух фраз: «Как там Элси?» Ответ: «Она в порядке». Или: «Как короче всего пройти на Стрэнд?» – «Пойдёмте вместе, я как раз туда иду». Для женщин-агентов часто заранее предписывается одежда, например черная шляпка или коричневая сумочка.

Корреспонденция для сохранения секретности ведется в кодах. Каждое отделение секретной службы за границей, каждая легальная или нелегальная группа имеет свой код. Внутри каждого посольства одновременно могут применяться четыре или пять кодов. Они отбираются с большой осторожностью, так как контрразведки всех стран охотятся за ними и пытаются их взломать. Поэтому через определенные промежутки времени они могут меняться.

Изготовление паспортов является другим важным элементом конспирации. Большое число хороших «сапожников» обучаются в Москве, но из германского подполья выходят даже более умелые мастера.

Среди новых средств, используемых советскими спецслужбами, самыми важными являются микрофотография и коротковолновые рации.

Фотография заменила симпатические чернила, которыми пользовались раньше. В фотолабораториях секретные документы и личные доклады переводятся на микроплёнку, которую нетрудно доставить в Москву. Кодированные сообщения, передающиеся по главным каналам связи, являются излюбленным видом корреспонденции. Официальные советские миссии в зарубежных странах имеют привилегию отправлять и получать кодированные сообщения, даже если это запрещено местным законодательством. Главной фигурой в секретной связи является курьер. Курьер лучше, чем почта, служит для целей связи. Он знаком с пограничными правилами, знает контакты и явки, а если его схватят, то полиция все равно не сможет расшифровать сообщения, которые были при нем. Наконец, вализа (мешок для перевозки диппочты) в руках дипкурьера – это самый безопасный способ передачи наиболее секретных сообщений в Москву и обратно.

Радио стали применять в конце двадцатых годов, как для легальной связи между советским правительством и его представительствами, так и для обмена сообщениями между агентами и Центром. По сравнению с другими средствами коротковолновая аппаратура представляет большую опасность для агента. Совершенствование методов радиопеленгации позволяет полиции выйти на работающий передатчик. Намного проще и безопаснее передать каким-либо способом сообщение в посольство или послать курьера. Эти соображения, однако, относятся только к мирному времени, во время войны все меняется и преимущество радиосвязи становится неоспоримым. Во время Первой мировой войны, когда коротковолновая радиоаппаратура еще не применялась секретными агентами, русские шпионы в Германии должны были посылать свои рапорты в нейтральную страну (Данию или Швецию), чтобы дальше в Петроград они шли легальным путем. Сообщение из Германии до русской столицы иногда шло так долго, что за время пути стратегическая информация теряла свое значение.

Обстановка во время Второй мировой войны была совсем другой. За какие-то минуты детальный рапорт о готовящемся наступлении или важном решении германского правительства мгновенно долетал из Женевы или Берлина до Москвы, через сражающиеся фронты и пылающие города. Место шпиона, который, маскируясь под пастуха, пересекал линию фронта с написанным от руки сообщением, спрятанным под подкладку картуза, теперь занял радист, который по ночам передаёт и принимает шифрованные сообщения для шпионской сети. Задачи контрразведки тоже изменились. Она теперь должна отслеживать тайные коротковолновые сообщения в эфире, записывать и пытаться расшифровать их, определять положение передающих станций с помощью современной аппаратуры. Во время непрерывной борьбы между разведкой и контрразведкой постоянно изобретаются новые аппараты и методы: радиостанции постоянно меняют место, и полиция прибывает слишком поздно, рации устанавливаются на движущейся лодке, размещаются у границ с нейтральными странами и т. д.

Главная опасность при применении коротковолновых передатчиков состояла в том, что, когда полиция ловила шпиона, она могла вынудить его работать в качестве агента против своей страны. В главах, посвященных советской разведке во время Второй мировой войны, мы узнаем о многих советских шпионах, схваченных Германией или ее союзниками, которых под страхом смерти заставили дезинформировать Генеральный штаб в Москве, посылая радиogramмы, текст которых был составлен абвером.

Коротковолновое радио было взято на вооружение НКВД и Коминтерном в 1927 году. Среди других радиошкол в России была одна специальная, работавшая на Коминтерн и Партию. Она размещалась в старом имении недалеко от Москвы, и там готовили разведчиков. Считалось, что шести месяцев тренировок достаточно для того, чтобы подготовить радиооператора. НКВД разместила свои радиостанции в Румынии, Греции, Болгарии, Венгрии, Югославии, Италии, Швейцарии, Франции, Голландии, Германии и вдобавок несколько станций

на Ближнем Востоке. Сообщение НКВД с Балкан или Ближнего Востока должно было пройти сложный путь, например через Вену и Або (Финляндия)⁷.

Военные атташе пользовались радио при посольствах, но часто они имели и собственную аппаратуру, а иногда и своих радистов. Несмотря на принцип разделения служб, которым руководствовались все советские работники за рубежом, передатчики военных атташе часто употреблялись и для сообщений других агентов. Такие сообщения вручались военным атташе в закодированном виде.

Вторая мировая война косвенно способствовала развитию радиослужбы советской разведки. После октября 1941 года, когда немецкая армия достигла Москвы и разведывательному центру пришлось эвакуироваться в Куйбышев, отдел радиосвязи увеличился и приобрел важное значение. Был создан ОРД – Особый радиодивизион – оснащенный коротковолновыми передатчиками. Он размещался в Москве на Ленинских горах и был замаскирован под научно-исследовательский институт, который якобы занимался вопросами золотодобычи.

На передатчиках работали военные радисты, знавшие все тонкости коротковолновой связи; некоторые из них впоследствии были посланы за границу в качестве тайных агентов. Большинство советских разведчиков за границей поддерживали радиосвязь именно с этим большим центром. Штат радиодивизиона состоял из шифровальщиков, специалистов по коротковолновой связи (назначавших частоты и время работы «корреспондентов»), специалистов по систематизации позывных, менявшихся каждый день⁸. В другом здании Москвы, неподалеку от Белорусского вокзала, был завод, где изготавливалась и проходила испытания радиоаппаратура для нужд разведки⁹.

⁷ Этот метод радиосвязи широко применялся агентами. Донесение в Москву из Каира передавали сначала в Рим, потом его отправляли дальше – в Берлин, Данию, Финляндию, а потом уж в Москву. Всё это вызывало значительную потерю времени, и, чтобы избежать ее, наиболее важные сообщения, а их было более половины, писали непонятным для посторонних кодом и посылали обычным телеграфом.

⁸ Как правило, нет необходимости менять позывные каждый день, а иногда это было и невозможно. (Прим. ред.)

⁹ D papers, XYZ 119, 120.

Двойная сущность советской разведки

Сеть советских агентов за рубежом существует в двух видах, каждый из которых работает на дипломатические или военные органы, и этим она схожа со службами других стран. В то же время она является частью международного коммунистического движения, и в этом заключается ее уникальность.

В принципе каждая страна являлась объектом внимания советской разведки, однако были державы, которые считались особо опасными для СССР. Польша и Румыния, соседи и потенциальные враги, были самыми первыми ее целями, начиная с 1918 года. Прибалтийские страны в этот ранний советский период тоже были объектами наблюдения. У южных границ России, в Иране и Турции, закулисная деятельность советской разведки встречала сильное английское сопротивление. На Востоке в то время главной ареной шпионажа были Харбин и Шанхай. Немного позже в центре внимания оказалась Япония.

Но на первом месте всё же были Париж и Берлин. Германия с 1920 по 1933 год служила наблюдательным постом на Западе, но главной целью шпионажа была Франция. Самая сильная держава в то время на континенте, Франция являлась действительным лидером интервенции союзников 1919–1920 годов. Она поддерживала Польшу в ее войне против ленинской России и финансировала перевооружение буферных государств. Было совершенно ясно, что в случае нового конфликта Франция снова будет играть первую роль в антисоветской кампании.

В середине тридцатых годов, после заключения советско-французского соглашения, внимание разведки было перенесено на Германию и Японию, которые превратились в сильных и опасных врагов. Во время войны Германия, естественно, являлась главным объектом советской разведки, но в то же время её взоры всё больше и больше притягивала к себе другая держава – Соединенные Штаты Америки. А с 1943–1944 годов США превратились в главную мишень. Промышленная, атомная и политическая разведка против них достиг беспрецедентного размаха. Так как Соединенные Штаты заняли позицию ведущей антисоветской страны, ни одна столица по сравнению с Вашингтоном не привлекала такого внимания секретных служб.

Два основных принципа являлись частью теории и практики Коммунистического Интернационала с самых ранних дней: в каждой стране должна быть легальная или подпольная коммунистическая партия, и каждая такая партия обязана поддерживать Советскую Россию всеми доступными способами.

Вначале ВКП(б) была только первой среди равных коммунистических партий, ее интересы не выдавались за первостепенные, и она не собиралась приносить другие родственные партии в жертву Интернационалу. Хотя помощь России конфиденциальной информацией считалась обычным делом, зарубежные коммунисты не считали своей обязанностью заниматься систематическим шпионажем, и никто из них не хотел стать орудием тайных советских операций. Даже Лев Троцкий, несмотря на его особый интерес к новому разведывательному отделу Яна Берзина, резко возражал против слияния коммунистической работы со шпионажем. Троцкий понимал, что коммунистические партии, даже выполняя директивы Коминтерна и принимая от него деньги, должны вести независимую политику, отвечающую взглядам и интересам их членов, и ничто не может быть столь пагубным, как вовлечение их в шпионаж в интересах иностранной державы.

Главный догмат сталинизма – если только в коммунизме существует понятие, которое может быть названо сталинизмом – это приоритет интересов Советской России и подчинение всех людей и партий ее нуждам. Взяв на себя всю полноту власти в 1926–1927 годах, Сталин не раз говорил о серьезных обязательствах пролетариев других стран перед диктатурой пролета-

риата в СССР¹⁰ В особенности – об их долге пропагандировать переход армий империализма на сторону Советского Союза, подразумевая под этим тайную работу в пользу СССР.

Если в умах коммунистических лидеров и оставались какие-то сомнения в здравом смысле таких функций, то это касалось только практических вопросов. Так как почти в каждой стране время от времени контрразведка разоблачает шпионов, следовало принять некоторые меры предосторожности, чтобы по возможности уменьшить причастность коммунистических партий к неотвратимым скандалам. Никакой риск не мог служить причиной отказа от шпионской деятельности, и Сталин никогда не соглашался освободить партии-сателлиты от их шпионских задач. Самая крупная уступка, которую он сделал, состояла в том, что он пошел на формальное отделение советского разведывательного аппарата от иностранной коммунистической партии: контакты между партией и этим аппаратом должны быть сведены к минимуму, чтобы никогда нельзя было доказать сотрудничество между ними.

Компромисс решался путем привлечения к спецслужбе видного и надежного функционера, обычно из числа лидеров больших коммунистических партий. Кандидатура утверждалась только после согласования с Москвой. Одной из главных обязанностей было сотрудничество с тайными советскими агентами, а также помощь в других делах, главным образом в подборе новых людей для секретных заданий. Этот человек, однако, никогда не информировал своих товарищей по партии о данной стороне своей деятельности. Таким образом, остальные партийные руководители имели все основания отрицать, что знают что-либо о связях с советскими спецслужбами.

Внешнее и формальное отделение советской разведки от местных коммунистических партий постоянно поддерживалось московскими директивами, особенно после многочисленных арестов тайных агентов в Европе в 1927 году. В Соединенных Штатах во время последней войны эти тенденции даже усилились.

При таком положении вещей лидер коммунистической партии на Западе попадал в странное и очень неопределенное положение. С одной стороны, он был гордым «вождем угнетенных масс» этой страны и должен был презирать «пресмыкающихся» членов правительства. С другой – он являлся активным деятелем подполья и должен был выполнять задания иностранной разведки и вербовать новых людей. Таким был типичный коммунистический лидер тридцатых годов по строгой регламентации Советов.

В последующих главах мы покажем роль Жана Креме и Жака Дюкло во Франции, Ганса Киппенбергера в Германии, – членов Политбюро своих партий и тайных агентов Советского Союза. В Швейцарии во время Второй мировой войны очень эффективно работавшая разведгруппа была полностью отделена от компартии, но Леон Николь, лидер местных коммунистов, через своего сына Пьера, помогал этой группе радистами, курьерами, средствами и сведениями о шпионах других стран, действовавших на территории Швейцарии. Похожее положение сложилось и в Канаде, где два коммунистических лидера, Фред Роуз (Розенберг) и Сэм Карр (Каган), работали как вербовщики в интересах советской разведки.¹¹ В Польше коммунистическая партия предоставила в распоряжение советского аппарата группу своих активистов. Один из членов Центрального Комитета даже работал как связник. На заседаниях ЦК он докладывал о деятельности советских агентов и о том, как это отражалось на обстановке в Польше¹².

Среди коммунистических лидеров такого типа особое место принадлежит Эрлу Брандлу, Генеральному секретарю Коммунистической партии США с 1930 по 1945 год. Тесно

¹⁰ Stalin, Works, 11, 152.

¹¹ The report of the [Canadian] Royal Commission to investigate the facts relating to... the communication... of secret and confidential information to agents of a foreign power (Ottawa, 1946), pp. 97-122.

¹² Alexander Minc, D papers XYZ 126, 127.

связанный с резидентами советских секретных служб, он не только знал об их шпионской работе в своей стране, но и всячески содействовал им¹³.

Большинство тайных советских агентов имели членские билеты партии или являлись сочувствующими, в самых важных случаях это были лица, которые намеренно отмежовывались от всех коммунистических организаций. Русские применяли термин «свой» к людям, которые проявляли полную готовность выполнять приказы и подчиняться дисциплине. «Чужим» называли того, кто служил не по идеологическим или политическим мотивам. Обычно это были шпионы по профессии и по призванию или те, кто работал за вознаграждение. Как мы увидим, советская разведывательная служба в прошлом использовала много «чужих».

Было бы напрасным занятием пытаться описать «обобщенный тип» тайного советского агента. По сравнению с обычным типом шпиона советский агент отличается более высоким уровнем интеллекта и лучшим пониманием международной обстановки, его идеологические связи с могущественными политическими движениями придают ему чувство собственного достоинства и морального превосходства. Если не считать советскую шпионскую бюрократию, которая работает за границей под прикрытием дипломатического иммунитета и никогда не рискует большим, чем высылка из страны, советские тайные агенты – люди отважные и хладнокровные и часто действуют на свой страх и риск. Тем из них, кто выдержал испытание, приходится полагаться на удачу, они обречены на нелегкую жизнь, за их головой идет охота, им угрожает наказание, несоизмеримое ни с их заработком, ни с престижем, который им обещает Москва. Постоянное напряжение и чувство неуверенности грозят взрывом, когда потерявший все иллюзии агент восстает против своих руководителей и становится настолько же опасным, насколько преданным он был раньше.

Во всех областях советской разведки существует принцип, по которому агент, «свой» он или «чужой», должен получать деньги за работу. Но подходы к этому совершенно различны.

По отношению к «иностранцу» существует только один вопрос: сколько заплатить? Соответственно своему интересу к нелегальной деятельности такой агент называет свою цену, и покупатель его услуг старается заключить как можно более выгодную сделку. Если стороны приходят к соглашению, такой агент работает до тех пор, пока ему платят. Его заработок или разовая оплата различны. Если агент является правительственным служащим, то его доходы – нечто вроде взятки. Рудольф фон Шелиа, нацистский дипломат, шпионивший на Россию, получал тысячи долларов за свою работу. Рудольф Ресслер, преуспевающий советский агент в Швейцарии, получал в месяц до 7000 швейцарских франков.

Напротив, «наш» или «свой» агент предлагает услуги по причинам, которые на Западе часто называют «идеалистическими». В начале своей карьеры он зарабатывает себе на жизнь обычным способом и не помышляет о шпионаже по материальным соображениям, сама мысль о том, чтобы шпионить за деньги, кажется ему отвратительной, и ни один опытный вербовщик не предложит ему плату на ранней стадии. Но по московским понятиям такое положение вещей не представляется нормальным, оно допустимо лишь в исключительных условиях. Агент, не получающий плату, чувствует себя независимым и готов выйти из игры, он может сообщить о своей деятельности властям в надежде на то, что работа «за идею» будет зачтена как смягчающее обстоятельство.

¹³ Элизабет Бентли в своей книге «Вне рабства» свидетельствует: «Он предоставлял советской секретной службе в США любую помощь, которая была нам нужна для сбора информации в Вашингтоне. Взамен он просил показывать ему все полученные данные, чтобы самому быть в курсе дела и знать ситуацию... Эрл Браудер, окруженный жаждущими власти соперниками, понимал, что должен быть всегда на шаг впереди них, чтобы сохранить свое шаткое положение...Получая доступ к внутренней информации о политике правительства Соединенных Штатов, он мог догадаться о том, какой следующий шаг сделает Москва, и соответственно рассчитывал свой ход». Источник: Elizabeth Bentley, *Out of Bondage* (New York, Devin-Adair, 1951), pp. 185-6.

Платный агент, даже при умеренном вознаграждении, является человеком, состоящим на службе, он вынужден подчиняться приказам. Он должен быть покорным, послушным и молчаливым, прежде, чем он что-то предпримет, его решения и действия должны быть одобрены. Расписки в получении денег могут быть преданы гласности, если он пожелает оставить тайную службу. Он находится полностью в руках своего нанимателя.

Техника склонения «нашего» агента к получению денег развивалась целые десятилетия. На начальной стадии шпиону-новичку возмещают расходы на поездки, питание и прочее. Потом ему предлагают скромную сумму в знак «признания его заслуг». Потом наступает день, когда агенту предлагают ежемесячную оплату. Если «наш» агент продолжает работать и после этого, вознаграждение становится обычным делом. В личных делах советских агентов часто встречаются циничные пометки вроде: «Финансово обеспечен, но деньги берёт»¹⁴.

Если прямая оплата невозможна, – например, когда агент даже после продолжительного периода работы отказывается от нее, – в ход идут подарки. Преимущество дорогих подарков заключается в том, что в этом случае возражать трудно и агент попадает в зависимость. Ковры, которые сыграли важную роль на суде Хисса, были как раз подарками такого рода. Денежное вознаграждение таким видным государственным чиновникам, как Элджер Хисс, Генри Джулиан Уодли, Гарри Декстер Уайт и Абрахам Джордж Силвермен, не имело смысла предлагать, поэтому работник советской секретной службы Борис Буков подарил им четыре дорогих ковра. Принципы, по которым делались эти подарки, были цинично определены самим Буковым: «Кто платит, тот хозяин, а кто берет, тот обязан что-то сделать взамен»¹⁵.

В другом случае предлагалось манто из каракуля и кондиционер. Так было, когда Билл, советский оперативник (настоящее имя Исхак Абдулович Ахмеров), пытался уговорить Элизабет Бентли принять плату за ее службу:

«– Как насчет пятидесяти долларов в месяц? – спросил он.

Я с удивлением посмотрела на него. Зачем он предлагает мне деньги, когда мой доход вполне покрывает мои нужды? Я покачала головой, но он настаивал.

– Хорошо, – вкрадчиво сказал он. – Если этого недостаточно, то как насчет ста?

Когда я опять отказалась, он поднял цену до двухсот долларов, а потом до трёхсот. «Да что же это происходит, – подумала я. – Уж не пытается ли он подкупить меня?» Я ярости повернулась к Биллу.

– Как можно предлагать деньги за то, что я и так обязана делать? – спросила я.

Мгновение он смотрел на меня так, будто я ударила его по лицу, потом отвернулся и ничего не ответил. Но на этом дело не кончилось. После продолжительных дискуссий о моем жалованье Билл изменил направление атаки. Он сказал, что занимается меховым бизнесом. И решил преподнести мне манто из каракуля. Когда я наотрез отказалась, он предложил мне кондиционер для моей квартиры. Он сказал, что обеспокоен состоянием моего здоровья...

– Билл, – спросила я, – это ваша идея или кто-то подсказал вам?

¹⁴ Приведённая цитата взята из личной карточки Сэма Карра – канадского коммунистического лидера, сотрудничавшего по линии советского военного атташе. Источник: *Report of the Royal Commission*, p. 104. Имеется также свидетельство Элизабет Бентли о том, что Эрл Браудер получал подарки прямо от НКВД: несколько банок русской икры и одну или две бутылки шотландского виски. Супруге Браудера – Раисе дарили дорогой коньяк, а его брату Биллу, – несколько кварт канадского клубного виски. Источник: Bentley, *Out of bondage*, p. 210.

¹⁵ Вот как описывает это Уитакер Чамберс: «Приближалось Рождество. – Что мы подарим своим информаторам? – спросил Буков. – Может быть, дадим им большую сумму денег? Я пришел в ужас: – Деньги? Они будут оскорблены. Вы просто не понимаете. Они – принципиальные коммунисты. Если вы дадите им денег, они никогда больше не будут вам доверять. И ничего не станут для вас делать. – Хорошо, – ответил он, – они коммунисты, но это ты ничего не понимаешь, Боб. Он говорил с терпеливым цинизмом, словно моя глупость озадачивала его. – Видишь ли, Боб, – сказал он по-немецки, – кто платит деньги, тот хозяин, а кто получает деньги, обязан их отработать. Я сказал Букову: – Вы потеряете всех их. Он пожал плечами: Тогда мы сделаем им какой-нибудь дорогой подарок, чтобы они понимали, что имеют дело с большими, важными людьми. Вы купите четыре больших дорогих ковра и вручите их Уайту, Силвермену, Уодли и Адвокату. Скажете им, что это – благодарность советского народа за их помощь». Источник: Whittaker Chambers, *Witness* (New York, Random House, 1952), pp. 414-15.

Он, отвернувшись от меня, сказал:

– Нет, идея не моя. Я ничего не делаю сам по себе. – И потом с горечью добавил: – Я всего только мелкая сошка, они могут сделать со мной всё, что захотят».

Позже, когда мисс Бентли почти решила оставить советскую службу, она встретила с «Элом» – сотрудником советского посольства, чья настоящая фамилия была Громов.

«– Не будем больше спорить из-за ерунды, – сказал он угрожающим тоном. – У меня в кармане две тысячи долларов. Это часть вашего заработка. Вы должны сейчас же принять их. Если вы откажетесь, то я буду вынужден прийти к неизбежному выводу, что вы – предатель!»

Я начала было возражать, но потом остановила себя. Меня предупредили, что нельзя вызывать подозрений у Эла. Я подумала, что теперь все карты выложены на стол. Если я не приму денег, он подумает, что здесь что-то не так. Надо было создать у русских впечатление, что меня все-таки можно купить. Я заставила себя чуть улыбнуться.

– Не глумитесь, Эл, – сказала я. – Конечно же, я не предатель. И лишние деньги мне не помешают»¹⁶.

В докладе майору Рогову из советского посольства в Канаде вербовщик Дэвид Лунан в апреле 1945 года сообщал о работе с возможным будущим агентом Дарнфордом Смитом из Национального исследовательского совета: «Бад очень встревожился, когда я перешел к вопросу оплаты. Думаю, ему показалось, что это переведет его работу в более опасную (и более законспирированную) область»¹⁷. Через три месяца Рогов лично встретил нового агента Бад-Смита. После встречи Рогов записал в своих заметках: «Дал ему сто долларов, он их охотно взял»¹⁸. Потом в «учетной карточке» Бад-Смита появилась запись: «Нуждается в периодической помощи». И это притом, что его ежемесячное жалование от канадского правительства составляло 300 долларов.

¹⁶ Bentley, *Out of Bondage*, pp. 246-7, 292-3.

¹⁷ Report of the Royal Commission, p. 64.

¹⁸ *Ibid.*, p. 65.

Глава II. Франция перед Второй мировой войной

Неохотное сотрудничество с коммунистами

В соответствии с потребностями советской внешней политики, как только закончилась Гражданская война в России, Франция стала главным объектом советских спецслужб. Французское оружие и финансовая помощь спасли Польшу в 1920 году, Франция была союзником и защитником Румынии против Советской России, она же мешала сотрудничеству Москвы и Берлина вплоть до 1923 года, когда ближайшей целью Советов в европейских делах было советско-германское военное соглашение против Запада.

После Первой мировой войны Франция превратилась в наиболее могущественную державу в Европе. В мире не было более многочисленной и лучше оснащённой армии. Ее военная промышленность набирала силу, развивалось самолетостроение, появилось химическое оружие и новые виды артиллерийского вооружения, со стапелей сходили новые корабли. В международных делах Франция доминировала в Европе, от Мадрида до Варшавы и от Осло до Бухареста. Министры иностранных дел всех стран должны были консультироваться с Францией прежде, чем принять какое-то важное решение. Париж также стал столицей для влиятельных русских эмигрантских групп, воинственно настроенных против Москвы.

Советская разведка проявляла интерес к Франции по двум причинам. С одной стороны, она хотела знать как можно больше о стране, которая являлась наиболее влиятельным ее политическим врагом, о ее военных силах, дислокации войск, мобилизационных планах. С другой — СССР хотел добыть информацию о новой военной технике и изобретениях в этой области, что могло бы стать образцом для России, где производство оружия после некоторого затишья снова быстро двинулось вперед. Вскоре было подписано соглашение в Рапалло, положившее начало тайному сотрудничеству с Германией. Но Германия пока сама отставала в военном развитии.

Французское коммунистическое движение, по крайней мере, в первое десятилетие после своего зарождения, было малочисленным и слишком неподготовленным интеллектуально, чтобы соответствовать советским ожиданиям. Организация, назвавшая себя коммунистической после съезда в Туре в декабре 1929 года, состояла в основном из бывших членов социалистической партии, а также «социальных патриотов» и «реформистов».¹⁹ Большинство французских коммунистов того периода, хотя и восхищались русской революцией, были совсем не похожи на коммунистов обычного типа. В отличие от Германии и других европейских стран Франция не испытала сильных потрясений в результате Первой мировой войны, спецслужбы и полиция сохранили свое положение.

Это и стало причиной серьёзных разногласий между Французской компартией и Коминтерном²⁰. Центристское большинство, возглавляемое Людовиком-Оскаром Фроссаром и Марселем Кашеном, никогда не принимало, если не считать резолюций, принципов главенства Коминтерна и подчинения ему национальных коммунистических организаций, тем более что их партия считалась носителем революционных традиций и наследницей Парижской коммуны и Жана Жореса. Они полагали, что Интернационал должен быть сообществом, основанным на независимости входящих в него партий.

¹⁹ На самом деле Коммунистическая партия Франции была образована на съезде социалистов в Туре в декабре 1920 г. Своё современное название приняла в 1921 г. (Прим. ред.)

²⁰ Trotsky's reports to the enlarged plenary meeting of the Executive Committee of the Comintern, June 8, 1922, and the Congress of December 1, 1922.

Левые, составлявшие более радикальное меньшинство, возглавляемое Борисом Сувариным, Альфредом Розмером, Фердинандом Лорио и Пьером Монатом, хотели наладить более тесные связи с Москвой, но не более того. С помощью Коминтерна левая фракция усилила свое влияние в партии и к 1924 году заняла доминирующее положение. Но в то время ни «левизна», ни подчиненность Коминтерну не означали готовности согласиться на секретную службу в интересах Москвы.

В течение первых 5 лет этого периода Лев Троцкий считался одним из самых крупных авторитетов во французских делах. У Троцкого в отношении Франции были свои планы. Будучи близким другом лидеров французского левого движения, он тем не менее отказывался компрометировать национальные коммунистические партии. Примерно в этот ранний период советская разведка завербовала Робера Пелетье, редактора «Юманите», на шпионскую службу. Пелетье был тесно связан с полковником Октавом Дюмуленом, редактором журнала «Армия и демократия», человеком, имевшим доступ ко многим секретам и получавшим информацию из самых разнообразных источников. Троцкий, несмотря на то, что был военным народным комиссаром и по долгу службы был кровно заинтересован в получении сведений о состоянии дел во французской армии, решительно воспротивился. Вопрос о шпионской деятельности Робера Пелетье обсуждался на Политбюро, и Пелетье поставили перед выбором: либо шпионаж, либо «Юманите». Тому пришлось оставить газету и активную партийную работу.

Причин, по которым три главные советские шпионские машины – НКВД, ГРУ и специальная служба Коминтерна – разместили свои главные европейские агентства не в Париже, а в Берлине, было несколько. Одна из них состояла в особых отношениях с Французской коммунистической партией, о которых говорилось выше. Другая заключалась в том, что большинство перспективных агентов говорили по-немецки, а не по-французски. Кроме того, Берлин занимает более выгодное географическое положение по отношению к Москве. И наконец, Германия была слабой и дружественно настроенной, в то время как Франция была сильной и вела себя угрожающе. Шпионские скандалы в Германии не повлекли бы за собой международных конфликтов, чего нельзя было сказать с уверенностью о Франции. В самом худшем случае Германию можно было бы склонить к тому, чтобы она переправила арестованных русских агентов в Россию, но было бы сомнительно, чтобы Париж поддался на такого рода шантаж.

Поэтому в начальный период становления советской разведывательной службы многие агенты, работавшие во Франции, Бельгии и Голландии, были подчинены советским офицерам разведки и военным атташе, находившимся в Берлине. Они посылали свои сообщения в германскую столицу, откуда непрерывный поток информации шел в Москву через курьеров по воздуху, по железной дороге, а позже и по коротковолновому радио.

Людские ресурсы советской разведки в первые годы были очень бедны. Еще не было разведывательных школ, потому что в Советском Союзе попросту не существовало преподавателей такого тонкого и своеобразного предмета. Во Франции еще оставались русские люди, которые поселились там давно и симпатизировали революции. Они говорили по-французски и были, в общем, подготовлены к такой необычной миссии, но почти все приверженцы Ленина и Троцкого вернулись в Россию в 1917 году и в силу нехватки там кадров заняли должности второго и третьего уровня управления. Только немногие из них могли быть отобраны для секретных миссий за границей.

В начальный период советские разведывательные агентства во Франции комплектовались главным образом выходцами из западных русских областей, из поляков, прибалтов, евреев. Примерно с 1924 года несколько особо доверенных людей из Москвы, с прямыми связями в Берлине, фондами, фальшивыми паспортами и кодами, тайно работали во Франции. Чтобы собирать сведения, добывать документы, проникать на заводы, расспрашивать за стаканом вина солдат и инженеров, им нужны были помощники и субагенты, а их можно было получить только от коммунистической партии. Без ее помощи невозможно было обойтись, и отношения

с Французской компартией стали самой важной проблемой для советской разведки и Коминтерна. Эту проблему оказалось невозможным разрешить.

В шпионаже, как и в любом деловом предприятии, ключевой задачей является накопление ресурсов. Поначалу все это сводится к неопределенным разговорам и прошупыванию почвы, здесь неизбежны срывы и провалы. В поисках подходящих агентов во Франции советская разведка прибегала к помощи и советам заслуживавших ее доверия людей, которые ездили в Париж и обратно. Она работала с профессиональными прокоммунистическими профсоюзами, использовала русских эмигрантов и т. д. Контакты и ходы переплетались настолько хитроумно, что выявить всю сеть агентуры было крайне трудно. Вдобавок к этому многие из тех, кто пришел в советскую секретную службу, оказывали только временную помощь.

Французская авиация, в особенности военная, привлекала внимание советских разведслужб с начала 20-х годов. Самолетостроение было делом лишь недавно развившимся, поэтому все технические новинки представляли для России большой интерес. Во Францию были направлены лучшие люди с задачей внедриться в авиационную промышленность. Большое число французских и советских агентов поставляли нужную информацию. Среди них были Анри Кудон и его возлюбленная Марта Моррисонно, которых вскоре арестовали за похищение секретного доклада по специальным авиационным проблемам, и русские – Устимчук и Владимир Кропин, которым тоже предъявили обвинение (за хранение оружия и использование фальшивых документов).²¹

Жозеф Томаси, секретарь профсоюза рабочих автомобильной и авиационной промышленности и член Центрального Комитета коммунистической партии, помогал добывать информацию и вербовать агентов на заводах. В конце 1924 года, когда на него обратила внимание контрразведка, он отбыл в Москву, откуда больше не приехал.

Более удачливым агентом оказался русский эмигрант Иван (Жан) Моисеев, который был одним из тех, кто не вернулся в Россию после революции. Он выехал в Соединенные Штаты в 1907 году, но четыре года спустя обосновался во Франции, где стал совладельцем, а потом и единоличным хозяином механической мастерской с несколькими рабочими, в основном иностранцами. Когда его друзья и духовные наставники оставили Париж и уехали в Россию, чтобы принять участие в исторических событиях, Моисеев остался во Франции. Не подходящий для роли резидента, он, тем не менее, устанавливал контакты, вербовал агентов и временами использовал свою мастерскую для подпольной работы. Часто он оказывал весьма ценные услуги. Его имя звучит в нескольких шпионских делах двадцатых и тридцатых годов, но он избежал ареста вплоть до начала войны в 1939 году.²²

Советский разведывательный аппарат во Франции в этот ранний период был построен на узкой основе и оставался хаотичной и неэффективной организацией, пока Жан Креме, входивший в состав партийного руководства, не сломал все устаревшие традиции и принципы и не взял на себя тяжелую ношу главного организатора агентурной сети.

Креме, начавший свою карьеру как лидер молодежной коммунистической организации в Нижней Луаре, выдвинулся и стал секретарем профсоюза судостроителей в Сен-Назере, который сам по себе представлял большой интерес для советской разведки. Кроме того, он был одним из секретарей союза рабочих металлургической промышленности – тоже важный объект для сбора информации о французской индустрии. Когда Креме в 1924 г. взял на себя обязанности подпольного организатора, Коминтерн, желая упрочить его положение, предложил ему выставить свою кандидатуру на муниципальные выборы в четырнадцатом округе Парижа. Его избрали, но он почти не бывал ни в городском совете, ни в Центральном Комитете партии.

²¹ *Le matin* (Paris), May, 1922.

²² D papers, FRa 57–65.

Креме преуспел, создав большую агентурную сеть в арсеналах, на верфях, в портах и на военных заводах по всей Франции. Его секретарша и гражданская жена Луиза Кларак была главным его помощником. Большое число агентов и субагентов снабжали его информацией из Версаля и докладами о пороховых и других военных заводах, о складах оружия и боеприпасов, о производстве противогазов, об институте авиационной техники, об испытаниях новых дальнобойных пушек в лагере Сатори и о заводах в Сен-Назере (гидросамолеты, листовая броня, подводные лодки). Креме часто ездил в Москву для личных докладов, письменные сообщения он посылал курьером через Берлин.

Факт, о котором Французская коммунистическая партия и не подозревала, но который хорошо знал Сталин, состоял в том, что Креме, зависящий от Москвы, был более надёжен, чем большинство других партийных лидеров. 26 марта 1926 года Сталин, впервые появившийся во французской комиссии Исполнительного комитета Коминтерна, заранее попросил прощения за «недостаточно хорошее знание французской ситуации». Но это не помешало ему дать рекомендации людям, которых он наметил на роль лидеров для Парижа. Ссылаясь на Креме и основываясь на его оценке обстановки, Сталин поставил задачу бороться как с правыми, так и с ультралевыми, для чего предложил создать ведущую группу из четырех французских коммунистов и назвал Пьера Семара, Жана Креме, Мориса Тореза и Гастона Монмуссо. Естественно, его предложение было принято. В июне 1926 года Креме, французский шеф советской разведывательной сети, был избран членом Политбюро Компартии Франции. Ни руководство партии, ни ее профсоюзы не знали, к каким делам был привлечен Креме в период с 1924-го по 1927 год.

Со своей стороны Креме не знал, что французская контрразведка, долгое время наблюдая за ним и его помощниками, получила копии некоторых его донесений и приготавилась к тому, чтобы сделать свой ход.

Жан Креме и кризис 1927 года

Следуя примеру Великобритании и Италии, Франция в 1924 году признала СССР. Работа советских секретных служб значительно облегчилась из-за новых возможностей, которые возникли в связи с открытием посольства и торгового представительства. Как НКВД, так и ГРУ имели своих доверенных лиц в посольстве, вализы курьеров и коды были теперь в распоряжении разведывательной машины. Руководителем сети ГРУ стал Месланик (Дик)²³.

Сбор информации персоналом посольства затруднялся тем обстоятельством, что официальные лица были известны контрразведке и все их передвижения и контакты не составляло труда отследить. Связь между посольством и шпионским аппаратом осуществлялась всего одним или двумя особо доверенными людьми. В 1925 году советское правительство направило в Париж Узданского-Елейского, человека лет 45, офицера, ветерана службы разведки, если только так можно сказать применительно к еще столь молодой организации. Узданский выполнял важную миссию в Варшаве и в 1924 году был выслан польским правительством. В 1925 году его переводят в Вену, откуда он руководит операциями на Балканах. С таким послужным списком он прибыл в Париж, что было для него серьезным продвижением по службе²⁴.

Под именем «Абрама Бернштейна» Узданский вел жизнь свободного художника. Положение его жены в советском посольстве и торговом представительстве служило хорошим объяснением для его частых визитов туда. Стефан Гродницкий, литовский студент, был назначен помощником «Бернштейна»; он отвечал за встречи с французскими агентами, получал их письменные доклады и передавал их ему.

От «Бернштейна» через Гродницкого французская подпольная сеть получала точные задания. Требовалась информация о французской артиллерии, новых формулах пороха, противогازه, самолетах, военных судах, о перемещении войск и т. д. Была сделана попытка под видом инженеров внедрить агентов в танковое конструкторское бюро в Версале и в военную академию Сен-Сир. «Бернштейн» развернул беспрецедентную по размаху деятельность.

Был придуман остроумный план проникновения в Версаль и в центр военных исследований. Несколько членов коммунистической партии стали наборщиками в типографии и брали пробные оттиски всех бумаг, печатавшихся по заказу центра французской военной науки. Эта группа эффективно работала с 1925-го до конца 1927-го.

В то время во Франции, так же как и в других странах, советские разведслужбы широко применяли сомнительный метод вопросников. Инженеры и специалисты военной промышленности СССР составляли длинный список интересующих их технических вопросов. Затем списки поступали к военным атташе за рубежом. Ни сами атташе, ни кто-либо из их штата не могли дать ответ на специальные вопросы, поэтому вопросники спускались в самые низы агентурной сети. «Бернштейн» получал их в посольстве, переписывал и распределял копии среди своих агентов. Эта процедура шла вразрез с правилами конспираций: часто такой вопросник, написанный от руки, мог выдать французской полиции его автора.

И вскоре доклады об этом из разных источников стали попадать в Сюрте Женераль.

В 1925 году Луиза Кларак связалась с неким Руссе, старым коммунистом, имевшим связи в тулонском арсенале, и попросила его заполнить вопросник по поводу морской артиллерии. Руссе доложил о ее просьбе полиции.

Как свидетельствовал позже Руссе, *«я понял, что вопросы не касались профсоюзов и рабочего движения. Это был явный шпионаж, в который меня пытались вовлечь. Возмущенный поведением партии, которая поощряла такие попытки под предлогом помощи Красной*

²³ D papers, FRe 28; Action Française (Paris), Sept. 19, 1917.

²⁴ Posledniya Novosti (Paris), Nov. 10, 1929.

Армии и защиты рабочего класса, я донес об этих фактах М. Борелли, комиссару спецслужбы в Марселе. Он посоветовал мне не отвергать предложение Луизы Кларак, чтобы разоблачить ее. Поэтому я дал ей некоторые документы. Я послал также бумаги и Креме. Следуя его инструкции, я передал их в запечатанном конверте с одним из членов партии»²⁵.

В другом случае, который произошел в октябре 1925 г., члену группы Креме, некоему Сэнгре, механику арсенала в Версале и секретарю тамошней ассоциации профсоюзов, приказали встретиться с человеком по имени Пьер Прево. Тот задал Сэнгре множество вопросов о производстве пороха и средствах доставки оружия. Механик удивился, ни один из вопросов не имел ничего общего с профсоюзным движением, хотя ему сказали, что речь пойдет о защите рабочих. Сэнгре решил доложить об этом инциденте руководству завода. В результате полиция снабдила его документами, которые он должен был передать Прево, и велела поддерживать контакт²⁶.

Примерно в то же время аппарат Креме потребовал от Кошлена, активиста коммунистической партии, работавшего в Версале и Сен-Сире, дать информацию о танках, порохе и т. д. Тот хотел было отказаться, но некто Серж, человек из окружения Креме и член муниципального совета Сен-Сира, был очень настойчив и даже вскользь упомянул, что связан с посольством, что советские граждане активно работают в группе и что их руководитель – женщина (явно – Луиза Кларак). Кошлен доложил об этом секретарю военного министерства, и доклад о шпионских происках снова попал в Сюрте Женераль²⁷.

В 1925–1926 годах политический климат в Европе стал благоприятным для Москвы. Французское правительство возлагало большие надежды на дипломатическое признание Советского Союза и не решалось объявить войну организации, чьи корни вели в советское посольство. Был, конечно, риск, что важные военные секреты могут стать известны Москве, но Париж предпочитал дезинформировать советскую разведку вместо того, чтобы подавить ее сеть. Для этого в военном министерстве стряпались фальшивые документы, которые затем передавались через агентов Луизе Кларак, Креме и Прево, но как много подлинных сведений попало в посольство, никому неизвестно.

В 1927 году было решено положить конец деятельности группы Креме. Это был год, когда весь мир разочаровался в советской политике, год разрыва Великобритании с Москвой. Пятого февраля 1927 года Кошлен, который постоянно отказывался сотрудничать с Креме, получил вопросник от одного из помощников Креме и через несколько недель вошел в контакт со Стефаном Гродницким, чтобы передать ему ответы, подготовленные в военном министерстве, и получить новое задание. Полиция наблюдала встречу с Гродницким на площади Мадлен в Париже, видела, как Кошлен передаёт бумаги, и следила за Гродницким, когда тот встретился с «Бернштейном». Девятого апреля 1927 года эти бумаги были найдены у него при аресте.

Прокатившаяся волна арестов вызвала сенсацию во Франции. В это самое большое шпионское дело послевоенного периода было вовлечено больше сотни людей. Обнаруженные документы вскрыли существование обширной шпионской организации. Возникшая картина громадной разведсети и ее широкого сотрудничества с французским коммунистическим движением свели на нет многие предыдущие дипломатические достижения. И крупный обыск в «Аркос» – советском торговом представительстве в Лондоне в мае того же года во многом явился продолжением французского дела.

Суд признал виновными лишь восемь человек. Среди них были два гражданина СССР – Бернштейн и Гродницкий, а из французов – Креме и Луиза Кларак, которые потом уехали в Россию, и их главные помощники. Однако приговоры не были слишком суровы: Стефан Грод-

²⁵ Action Française, July 20, 1927.

²⁶ Le quotidien (Paris), July 20, 1927.

²⁷ Ibid.

ницкий, характеризующийся судом как «молодой и элегантный, которому поручали деликатные задания», был приговорен к 5 годам, «Бернштейн» – к 3 годам, один из французских агентов – к шестнадцати месяцам, а другой – к трём месяцам тюремного заключения.

Осуждённые агенты были разосланы по разным тюрьмам, отбыли свои сроки и надолго исчезли с политической сцены. Двое из них – Пьер Прево и Жорж Менетрие – объявились после Второй мировой войны и занимали важные посты в советских разведслужбах.

Судьба французских руководителей агентурной сети сложилась трагично. Покинув Францию, Креме и Луиза Кларак жили в Москве на положении политических эмигрантов. По некоторым сведениям, работая в Коминтерне, Креме на самом деле продолжал сотрудничать с французским отделом советской военной разведки, а потом был послан с секретной миссией на Дальний Восток. Там в 1936 году он исчез. В Москве ходили слухи, что он упал за борт судна и его не смогли спасти. Но в действительности он был ликвидирован НКВД по пути в Китай на португальском острове Макао близ Кантона.²⁸ Луизе Кларак в 1934 году было приказано покинуть Россию, она вернулась во Францию, где долгое время жила, скрываясь и не проявляя никакой активности ни в пользу коммунистической партии, ни в пользу Москвы.

Группа наборщиков из Версаля, о которой упоминалось выше, продержалась всего девять месяцев после ареста Креме. Сотни конфиденциальных и секретных документов поступали в наборный цех типографии военного исследовательского центра, а это означало, что частично гражданский и частично военный персонал типографии давал обязательство строго хранить секретность. Около десяти человек, бывших активистами коммунистической организации типографии, передавали оттиски всех документов, проходящих через наборный цех, Жану Ружайру, субагенту Луизы Кларак. Информация оплачивалась весьма щедро. Солдат Марсель Пийо как посредник получал 400 франков в месяц, Ружайру переплавали более крупные суммы, и он даже открыл счет в банке.

Работа, начатая в 1925 году, шла благополучно. Ее исполнители не вызывали никаких подозрений до того дня, когда капрал из Центра авиации не доложил своему начальству о том, что Ружайр предложил ему деньги за информацию о мобилизационных планах и об авиации. Ружайр был арестован. Он во всем признался и выдал Сюрте имена, как своих субагентов, так и руководителей. Все его помощники были арестованы, а его русский шеф, таинственный Поль, который принял дела после отъезда Луизы Кларак и чье имя и адрес никто не знал, так и не был найден²⁹.

Суд над наборщиками состоялся в марте 1928 года, но он не возбудил таких страстей, как дело Креме. Судебное заседание шло при закрытых дверях, и только некоторые детали просочились от очевидцев в прессу. Одиннадцать подсудимых получили сроки лишения свободы от шести месяцев до пяти лет, все они были французскими коммунистами, среди них не было ни одного русского.

Дело Креме во Франции было только одной из целого ряда разведывательных операций в мире, о которых стало известно в те времена.

История советской секретной службы за рубежом представляла собой ряд достижений и провалов, побед и поражений. В 1927 году произошла первая из трех главных неудач, которые определили ее курс. Вторая случилась в 1933—1934-м, третья – в 1949–1950 годах. Три года, с 1924-го по 1926-й, ознаменовались серьезными успехами советской дипломатии, признанием страны крупными державами – Англией, Италией и Францией – и открытием советских посольств и консульств почти во всех странах Европы. Благоприятный международный климат позволил повысить разведывательную активность, основанную на тех же методах, которые применялись до этого. В первые годы после прихода к власти Сталина шпионская сеть

²⁸ D papers, FRe 15, 19, 20, 21.

²⁹ *Le quotidien*, March 13, 1928.

развивалась так быстро, что вскоре покрыла большую часть стран Европы и Ближнего Востока. Кризис стал неизбежен.

В 1926 году Рудольф Гайда, герой чехословацкого корпуса, известного по мятежу в Сибири, был арестован в Праге за связь с советской секретной службой.³⁰ В марте 1927 года бывший белогвардейский генерал Даниил Ветренко был арестован в Польше, как глава крупной советской шпионской сети³¹. Неделями позже в офисе советско-турецкой торговой компании были найдены компрометирующие документы, а один из ее руководителей, некто Акунов, оказался замешан в шпионаже на турецко-иракской границе.³² Через три дня швейцарская полиция объявила об аресте двух советских агентов, Бюи и Эфони, работавших на Фридберга, который сумел скрыться³³.

В мае того же года в Ковно литовский генерал Клецинский был задержан в момент передачи секретных военных документов служащему советской миссии³⁴.

В Вене работник представительства СССР – Бакони был разоблачен как резидент Москвы. Венгр по рождению, сын одного из вождей партии Кошута и советский гражданин, он установил контакт с работниками министерства иностранных дел и добывал через них секретную информацию, пока австрийская контрразведка не положила конец его деятельности в мае 1927 года.³⁵

Шестого апреля 1927 года пекинская полиция совершила налёт на советскую дипмиссию. Через четыре дня разразился скандал Бернштейна – Гродницкого – Креме во Франции. Наконец, 12 мая грянула буря в Англии, где «Аркос» прикрывал советские шпионские операции. В результате Лондон разорвал дипломатические отношения с Москвой.

Репутации СССР на международной арене был нанесен большой урон. Сталину эта цепочка арестов и судебных процессов представлялась неизбежными потерями, и он не видел причин сворачивать свои разведывательные усилия. Единственный вывод, сделанный Москвой из этих инцидентов, состоял в требовании проявлять осторожность и усилить конспирацию.

Всемирное фиаско советской разведки задело все три её элемента: дипломатические учреждения, коммунистические партии и шпионское подполье. Теперь им было предписано разделиться и продолжать работу порознь.³⁶ Посольство в Париже получило инструкции отрицать любые факты, держаться в стороне от текущих разведывательных дел, порвать связи с коммунистическими организациями и прекратить прямую финансовую помощь им. Документы, накопленные в посольствах военной разведкой и НКВД, необходимо было просмотреть, часть отправить в Москву, а часть уничтожить. Подобные инструкции были переданы всем советским миссиям за рубежом.³⁷

³⁰ *New York Times*, Jan. 9, 1927 and Aug. 4 1929.

³¹ *Ibid.*, March 3, 1927.

³² *Ibid.*, March 13, 1927.

³³ *Ibid.*, March 17 and 18, 1927.

³⁴ *Ibid.*, May 25 and 26, 1927. Следует отметить, что название Ковно этот город носил до революции. А с 1920 г. это был уже Каунас – столица Литовской республики. После освобождения Красной Армией захваченных панской Польшей украинских, белорусских, литовских территорий (в 1939 г.) и советизации Литвы (в 1940 г.) столица переехала в Вильнюс. (Прим. ред.)

³⁵ *The Times* (London), May 17, 1927.

³⁶ D papers, FR 14.

³⁷ Вот как описывает события середины 1927 г. Г. С. Агабеков, бывший сотрудник ИНО ОГПУ: «Инструкции, присланные в посольство, торгпредство, Разведупр и ГПУ в Тегеране требовали просмотреть все архивы и уничтожить документы, которые могли бы скомпрометировать нашу деятельность. Посольство и торгпредство немедленно начали проверять архивы и отобрали громадную кучу документов для уничтожения. Эти бумаги целую неделю сжигали во дворе посольства. ГПУ получило еще более строгий приказ. Москва предписывала уничтожить все архивы и в будущем хранить корреспонденцию только за последний месяц, но даже эти документы должны храниться таким образом, чтобы их можно было быстро уничтожить в случае налета на посольство... За первым циркуляром из Москвы последовал второй. Сотрудникам посольств и миссий было строго запрещено поддерживать связь с членами местных коммунистических организаций».

«Генерал Мюрейл» и Ян Берзин

Провалы 1927 года положили конец карьере двух важных агентов: Бернштейна, который отбывал трехлетний срок тюремного заключения, и Креме, который оказался в Москве. Появилась другая француско-советская пара лидеров, возглавившая советскую разведку во Франции.

С советской стороны дело взял в свои руки новый выдающийся человек, известный под целой дюжиной кличек – «Поль», «Анри», «Альбер», «Буассон» и многих других, (на самом деле его звали Стучевский Павел Владимирович). Из этих кличек в памяти его сподвижников более всего сохранилась самая необычная – «генерал Мюрейл». Имя это явно вымышленное, хотя и звучало привычно для французского уха, но звания генерала в то время в России не существовало. На самом деле он был военным комиссаром во время советско-польской войны 1920 года, а в последующие годы перешел на службу в разведку.

В качестве руководителя обширной разведсети «Мюрейл», возможно, был самой интригующей фигурой в длинной череде доверенных лиц Берзина во Франции. «Удивительный человек, авантюрист высокого класса», – так отзывался о нем один видный французский коммунист того времени. Для «Мюрейля» войны, революции, баррикады – «прямые действия» – были всем, а политические действия – почти ничем. История, по его мнению, вершилась на поле битвы, а не в парламенте. Агитация и пропаганда не идут ни в какое сравнение с пушками и торпедами. А значит, парламентарии и другие лидеры, работающие легально, играют второстепенную роль, в то время, как подпольщики, предводители вооруженных бунтов, будущие командиры революционных армий, а вместе с ними и разведчики-герои являются движущей силой истории³⁸. Его идеи несколько отличались от догматов марксизма, и он был просто рождён для подпольной работы³⁹.

Большевик старой ленинской гвардии, «Мюрейл» в 1929 году достиг сорокапятилетнего возраста. В предреволюционные времена он прошел тюрьму и сибирскую ссылку, жил в Швейцарии как эмигрант, после Октябрьской революции колесил по всему миру. В середине двадцатых годов он побывал с разведывательной миссией в Китае. Он часто приезжал во Францию, говорил по-французски как овернский крестьянин и презирал французских левых вождей, в особенности – «любующегося собой мелкого буржуа» Мориса Тореза. По его мнению, Французская коммунистическая партия была недостаточно революционна.

«Мюрейл» обладал врожденным даром уходить от слежки и водить за нос полицию. В 1927 г. его хотели взять по делу Креме, но он скрылся, когда Гродницкий и Бернштейн были схвачены. На процессе работников типографии в 1928 году «Мюрейля» называли получателем документов, но его так и не смогли разыскать. Три года полиция получала доносы из разных провинций о похождениях таинственного «Поля», часто даже добывала его адрес, но, явившись туда, узнавала, что тот «только что уехал». Его агентов и помощников не раз арестовывали и приговаривали к тюремному заключению, некоторые из них сбежали в Россию, но «Мюрейл» никогда не попадал в руки полиции.

Среди его французских сподвижников, в основном молодых энтузиастов, этот закаленный в битвах ветеран, всегда бравший верх над полицией, пользовался уважением, смешанным со страхом. Даже грубые черты его простого лица удивительно совпадали с этим образом. В контактах с вождями коммунистической партии «Мюрейл» старался представить свои действия как совершенно невинные. Дело Креме послужило уроком, московские приказы

³⁸ В Париже «Мюрейл» финансировал журнал, в котором популяризировал русский и германский революционный опыт и уличную борьбу. Журнал выходил в течение 18 месяцев.

³⁹ D papers, FRe 10.

не допускали отклонений: все нелегальные разведывательные операции должны проводиться отдельно от коммунистической партии.

В этот период частой смены руководства «Мюрейль» умел работать с каждым, кто вставал у руля Французской компартии. В 1928–1929 годах с благословения Москвы «опportunистическая группа», руководимая Марселем Кашеном и Жаком Дорио, уступила место другой группе, во главе которой стоял Анри Барбе. Молодой и преданный «боец», он год провел в тюрьме и теперь был на нелегальном положении. Он взял на себя связь с Коминтерном, часто ездил в Москву и обратно и поддерживал по поручению «Мюрейля» контакты с Политбюро.

Задачей «Мюрейля», как он сказал Барбе, было отобрать способных юношей и девушек из коммунистической молодёжи и послать их на год учиться в советской разведшколе, после чего они могли бы стать ведущими кадрами партии и занять в ней руководящие посты. Такая акция в международном плане не считалась нелегальной, и Политбюро французской партии охотно согласилось оказать помощь. Барбе свёл его с различными молодёжными группами в партии и круг контактов «Мюрейля» быстро вырос.⁴⁰

Но вскоре партийное руководство поняло, что цели «Мюрейля» не так уж безобидны, как им казалось. Из разных ячеек партии начали приходить сообщения о разведывательной активности. Молодые люди, рекрутированные Барбе, не видели причин скрывать от партийных лидеров факты, свидетельствующие о нелегальных операциях. Лавировать между требованиями Москвы и угрозой испортить отношения с коммунистической партией становилось все труднее.

Интересы «Мюрейля» были такими же многосторонними, как и вся военная наука и промышленность. Почти каждое управление советского Генерального штаба желало получить ответы на вопросы, касающиеся Франции, и сеть «Мюрейля» работала день и ночь, чтобы добыть информацию об авиационной промышленности и военно-воздушных силах, о последних моделях пулеметов и автоматических винтовок, о военном флоте, о военных поставках в Польшу и Латвию. В средиземноморских портах – Марселе, Тулоне и Сен-Назере – «Мюрейль» держал группы агентов, которые сообщали о конструкции торпед, подводных лодок, заградительных сетей и прочих подобных нововведениях.

Особый интерес для «Мюрейля» представлял военный комплекс близ Лиона. В Лионе его люди ухитрились похитить кальки с чертежами самолетов, и после того как Мюрей снял с них копии, их вернули обратно. Когда это воровство было раскрыто, арестовали только одного его агента, остальным удалось скрыться за границей.⁴¹

В процессе сбора информации в портах «Мюрейль» постоянно перебрасывал своих агентов с места на место. Например, он послал Мориса Монро, рабочего-металлиста, из Парижа в Нант, снабдив его деньгами, которых хватило, чтобы открыть рыбный магазин. Объявление о «прямой доставке товара» появилось над новым прилавком. А сам Монро ездил в порты Северного моря, откуда возвращался с донесениями. И такая работа продолжалась несколько лет.⁴²

Другими агентами «Мюрейля» были Винсент Ведовини, секретарь коммунистической ячейки в Марселе, и инженеры марсельского военно-морского арсенала. Ведовини поставлял информацию о химических заводах, производстве торпед, современного оборудования для подводных лодок. В начале 1930 г. «Мюрейль» попросил его заполнить написанный от руки вопросник, посвященный артиллерийскому вооружению эскадренных миноносцев. Ведовини, который к тому времени почувствовал отвращение к разведывательной работе, передал

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ *Le matin*, April 30, 1931.

⁴² D papers, Fre 11.

вопросник полиции⁴³. В последний момент «Мюрейль» сумел скрыться за границей. Однако он потом вернулся и в апреле 1931 года был наконец арестован.

Следствие, а потом судебный процесс продолжались пять месяцев. Его вина, без всяких сомнений, подтверждалась письменными документами, показаниями Ведовини и другими доказательствами. Опровергнуть обвинения было невозможно, но, с другой стороны, советский агент не мог признать себя причастным к шпионажу. Защита «Мюрейля» настаивала на «сентиментальном» объяснении его деятельности во Франции – якобы здесь была некая любовная интрига, а «Мюрейль», как джентльмен, не мог разглашать подробности. Это был стандартный прием разведчиков, который позволял оправдать свое нежелание давать показания. (В 1949–1950 году Джудит Коплон в Соединённых Штатах применила тот же приём, чтобы оправдать свои встречи с Валентином Губичевым).

«Мюрейль» заявил, что он писатель и ему нужны материалы для романа, которые он и собирал во Франции в течение почти четырех лет. Когда его спросили, где рукопись романа, он ответил, что оставил ее в Германии, но не может сообщить, где именно, по «сентиментальным причинам». Полиция и суд не знали, что жена «Мюрейля», Луиза Дюваль, жила во Франции и поддерживала тесную связь с разведывательной сетью. Она, проявляя чудеса изобретательности, несколько лет избегала ареста, пока в 1934 году два других агента не выдали ее.

В момент ареста в карманах «Мюрейля» нашли два паспорта, много коротких записей и значительную сумму денег. Он не смог по тем же «сентиментальным причинам» объяснить, где он взял такую круглую сумму. Ведовини, естественно, признал, что знаком с «Мюрейлем», но тот утверждал, что никогда в глаза не видел своего агента. Такая защита, к которой прибег «Мюрейль», в наши дни едва ли смогла бы произвести впечатление на публику, прессу и суд, но в 1931-м во Франции так и случилось. Его приговорили всего к трём годам тюрьмы.⁴⁴

«Мюрейль» отбывал свой срок заключения в Пуасси, после освобождения в 1934 году его депортировали в Россию. Судьба этого выдающегося человека неизвестна. Среди французских коммунистов в 1938 г. ходили слухи о том, что в годы большой чистки в России «Мюрейль» сошел с ума. Правда, были люди, которые поговаривали, что он симулировал сумасшествие, чтобы избежать репрессий, но другие утверждали, что он на самом деле лишился рассудка.⁴⁵

В 1931 году Анри Барбе вызвали в Москву для доклада о ситуации, которая в глазах Советов и Коминтерна выглядела отнюдь не удовлетворительно. Барбе встретился с руководителями Коминтерна – Пятницким и Мануильским, чтобы доложить им о подвигах и методах работы «Мюрейля». Однако тщательно подготовленное и документированное сообщение не произвело должного впечатления.

Пятницкий начал объяснять всю важность разведывательной работы за рубежом: «При-
скорбно, что коммунистические партии вовлечены в такого рода деятельность, но работу надо продолжать». Пятницкий потом связался с Яном Берзиным, и Барбе был приглашен в кабинет высшего начальника советской военной разведки.

Потом Барбе писал в своих мемуарах:

«На следующее утро ко мне в гостиницу «Люкс» прибыли два офицера Красной Армии. Мы пересекли Москву и подъехали к большому зданию, на котором не было никаких специальных знаков, которые указывали бы на его назначение. Это был главный штаб советской военной разведки.

Меня провели в большую комнату, где на стенах висели громадные карты Европы и Азии. За письменным столом стоял человек лет пятидесяти в военной униформе с двумя орденами Красного Знамени на груди. Это был крепкий мужчина, ростом около пяти футов и восьми

⁴³ *Le matin*, May 6, 1931.

⁴⁴ *Posledniya Novosti*, Oct. 7, 1931.

⁴⁵ D papers, b. 812.

дюймов, с наголо обритой головой. Он смотрел на меня живым и проницательным взглядом голубых глаз. Генерал бегло говорил по-французски. Он был оживлен и немного нервничал.

Берзин сердечно приветствовал меня, пожал руку и распорядился подать чай и печенье. Потом он много говорил о важности информации и разведывательной работы для обороны советской родины... Он дал мне понять, что знает об отношении руководства французских коммунистов к использованию членов партии в разведке. Он допускал, что это доставляет нам неудобства, но ничего поделать не может». ⁴⁶

Долгий разговор закончился неожиданным для Барбе предложением установить «близкие отношения» с Четвертым отделом и работать под его руководством. Это было слишком для действующего, хотя и неформального генерального секретаря большой коммунистической партии. ⁴⁷

«Я был ошеломлён этим предложением, – вспоминал Барбе. – Я объяснил, почему мы отвергаем шпионаж, и заговорил о традициях французского рабочего движения, которое не признает такого рода деятельность. Закончил я тем, что попросил генерала не вербовать больше агентов из наших активистов. Сделанное мне лично предложение я, конечно, отклонил.

Покрасневший от бешенства Берзин заявил, что если я не понимаю важности этой работы, то другие и подавно не поймут. Я почувствовал, что не завоевал друга в лице генерала Берзина, скорее всего, наоборот. Прощаясь со мной, Берзин попросил меня еще раз подумать».

Когда Барбе вернулся в Париж, Андре, сотрудник советского посольства и представитель Берзина во Франции, встретился с ним, чтобы услышать окончательный ответ. Идея состояла в том, чтобы разведывательной работой во Франции руководили двое – Андре и Барбе.

«Я ответил, что начал уставать от всего этого, – продолжает свой рассказ Барбе, – и снова сказал о решении политбюро. Андре рассмеялся. «Это несерьезно», – отмахнулся он и повторил предложение Берзина без оговорок: он хотел, чтобы мы регулярно встречались и координировали свои действия. Потом он сказал, что обойдется и без меня и наладит дела с другими ведущими членами партии».

Это был конец прямых переговоров. Через некоторое время французское Политбюро даже перешло в наступление и сняло с ответственных постов нескольких известных ему советских агентов. Удивительно, но ни посольство, ни Коминтерн не проявили беспокойства по этому поводу. Однако вскоре стало известно, что два французских товарища уже ведут ту работу, которую Берзин предлагал Барбе: Жак Дюкло и Андре Марти начали сотрудничать с советской тайной службой.

От Анри Барбе следовало избавиться, и Москва взялась за дело. Когда пришло время убрать его из руководящего органа партии, шпионские дела, естественно, не упоминались. С другой стороны, никаких вразумительных объяснений, почему должна уйти «группа Барбе – Селора», которую привела к руководству сама Москва, тоже не было. Пресса в Москве и Париже писала неопределенно и туманно: грехи группы Барбе – Селора заключались в «групповщине» и «сектантстве», в том, что «его политика не соответствовала тактике Коминтерна» ⁴⁸. События для Барбе могли повернуться иначе, если бы он принял роль, предложенную ему Пятницким и Берзиным. Тремя годами позже, в 1934-м, он порвал с коммунистической партией.

Ему на смену пришел Морис Торез, а «специальные службы» были переданы в ведение восходящей звезды французского коммунистического движения Жака Дюкло. Его назначение означало, что сопротивление сломлено и с этого дня Французская коммунистическая партия

⁴⁶ Barbe memoirs in D papers, FRe 13.

⁴⁷ Неформальным либо формальным лидером, тем более – генеральным секретарём ФКП Анри Барбе не был никогда. В описываемый период он являлся одним из 4-х секретарей ЦК. В дальнейшем стал ренегатом, а во время нацистской оккупации Франции – коллаборационистом. (Прим. ред.)

⁴⁸ *Communist International* (Moscow), Dec. 15, 1931.

будет исполнять любое требование Советов. Как и Барбе, Дюкло пришел в партию после долгих лет работы в молодежном коммунистическом движении, где он с юных лет принимал участие в нелегальных операциях. Он часто вступал в конфликт с законом, ему приходилось уезжать за границу, не раз его спасала амнистия или парламентский иммунитет. Его восхождение началось в 1926 году, когда как молодёжный лидер он был избран в члены Центрального Комитета ФКП. Одновременно его провели в члены парламента. Вначале внутри партии он поддерживал Барбе. В 1931–1932 гг., когда Барбе убрали, Дюкло стал членом Политбюро и одновременно руководил «специальной службой».

В 1937 году советские агенты в Швейцарии убили «Игнатия Рейсса», отступника НКВД, а в Париже несколькими месяцами ранее загадочным образом исчез архив Троцкого. Сам Троцкий был уверен, что к этим инцидентам приложил руку известный «старый агент ГПУ». 12 ноября того же года он шлет из Мексики телеграмму премьеру Камиллу Шотану: «В связи с убийством Игнатия Рейсса, кражей моих архивов и другими подобными преступлениями разрешите мне настаивать на допросе, хотя бы в качестве свидетеля, Жака Дюкло – вице-президента палаты депутатов и старого агента ГПУ».⁴⁹

Примечательно, что Дюкло промолчал, когда в июле 1952 года бюллетень Ассоциации международной политической информации напечатал посвященный ему материал: «Дело Дюкло существует двадцать лет. Двадцать лет Дюкло обвиняли в том, что он является «соавтором и исполнителем» и ведущей фигурой коммунистического шпионажа во Франции в пользу Советов. И в течение двадцати лет в этом не появлялось ни малейших сомнений».

Беспрецедентный 20-летний рекорд работы Дюкло как доверенного и тайного сторонника Москвы объясняется экстраординарной способностью этого человека совмещать образ борца против капиталистического французского правительства с верой в светлые идеалы освобождения человечества, символом которых была Москва, переносить любые тяготы, если они исходят от советской стороны, и укрывать любой акт шпионажа, если он поручен ему советской разведкой. Дюкло принадлежал к новому поколению коммунистических лидеров – верных, понимающих, всегда готовых к поддержке своей второй Родины – СССР, которые вытеснили старых большевиков, которые думали, спорили как бараны и учились.

⁴⁹ Троцкий ошибался насчет кражи документов в Париже в ноябре 1936 г. Позже стало известно, что эту операцию провел русский троцкист, агент советской спецслужбы.

Для разведки – пора расцвета

Период с 1928-го по 1933-й был расцветом советской разведки во Франции. Несмотря на активную работу, только малая часть операций ГРУ нашла отражение в отчетах французской полиции. Большая часть персонала советской разведки избежала ареста и огласки. НКВД также не сидела, сложа руки, и Париж стал одним из ее главных центров за рубежом.

Явка, которая служила для самых разных целей, была создана в мастерской архитектора Роджера Гинзбурга на улице Сены в Париже. Советские агенты, проезжавшие через Париж, приходили туда за паспортами, деньгами и для того, чтобы найти надежное укрытие.

Роджер Гинзбург действительно был архитектором, свободным художником, настоящим европейцем без определённой национальности. В его мастерской соседствовали ворохи чертежей, книжные шкафы, географические карты, вазы с цветами, пишущие машинки, бронзовые скульптуры, стильная мебель и картины. Его очаровательная помощница, молодая эльзаска, знала уйму языков.

Гинзбург строго-настрого запрещал приносить туда какие-либо компрометирующие документы. В ближних домах, чьи хозяева симпатизировали коммунистам, всегда находилось временное прибежище для агентов. Парижская полиция, гордившаяся своей проницательностью, была в мастерской Гинзбурга обычным и вечным предметом для злых шуток.

Одна из важных частей советской разведки в то время была связана с ширившимся рабкоровским движением. Система рабочих корреспондентов или рабкоров возникла в первые годы существования советского режима, когда старые газетчики бросили свою профессию или были просто выгнаны. Ленинская партия поставила задачу вырастить новое поколение писателей и журналистов из рабочей среды. Рабочих призывали писать о событиях местной экономической и культурной жизни, критиковать местных руководителей и т. д. Тысячи молодых людей примкнули к этому движению, редакторы газет создали у себя специальные отделы, которые разбирали и редактировали полученные материалы.

Их сообщения обычно были переполнены критическими отзывами о том или ином местном администраторе. Разоблачение личных или политических врагов стало важной особенностью рабкоровских статей. Письма такого содержания редакторы переправляли в НКВД, прокурору или в партийную контрольную комиссию для расследования.

В конце двадцатых годов вспыхнула ожесточенная борьба между Сталиным и правой оппозицией (Бухарин, Рыков, Томский и другие), которая хотела, чтобы рабкоровское движение служило чисто образовательным целям. Сталину требовалось совершенно другое, и он, конечно же, одержал победу⁵⁰.

В те дни каждое русское начинание провозглашалось западными коммунистами как большое достижение и тут же копировалось. Новорожденная коммунистическая пресса Европы и Америки крайне нуждалась в корреспондентах и писателях, и рабкоровская система, рекомендованная Коминтерном, представлялась единственно правильным решением. С середины 20-х годов компартии Германии, Франции, Соединенных Штатов, Великобритании, Японии, а также многие более мелкие партии уделяли большое внимание рабкоровскому движению.

За пределами России побочный продукт оказался более важным, чем декларированная цель, с той лишь разницей, что рабкоры на Западе служили не столько доносчиками, сколько информаторами советских разведывательных организаций. Тысячи западных рабкоров работали в стратегически важных местах – на военных заводах и аэродромах, в почтовых и телеграфных отделениях. Сообщения, которые они посылали в свои партийные газеты, казались самим корреспондентам всего только журналистской работой, но они не знали, кто являлся

⁵⁰ *Literaturnaya Encyclopediya*, Vol. 9, Rabkorovskoye Dvizhenie.

главным звеном в той цепочке редакторов, которые просматривали их материалы. Большое преимущество рабкоров состояло в их легальности, не было и не могло быть никаких препятствий тому, чтобы рабочий писал в свою газету о событиях у него на заводе.

Советская разведка внимательно следила за ростом рабкоровского движения во Франции, финансировала его и поддерживала разными средствами. «Мюрейль» и Дюкло создали специальную комиссию из шести человек, которая должна была читать и классифицировать сообщения рабкоров. Возглавляли ее два ответственных работника: Исая Бир, агент советской разведки, и лично Дюкло. Среди других следует назвать Филипа Ложье, Гастона Вене и Рикье (иногда его называли Ренье). Если члены комиссии считали, что автор или его сообщение могут оказаться полезными для советской разведки, они устанавливали необходимые связи. В редакции «Юманите» Андре Раймон (внук бывшего шефа полиции Луи Лепена), Поль Марион и Мишель Марти (брат коммунистического руководителя Андре Марти) были назначены для того, чтобы внимательно изучать письма и сообщения рабкоров.

Заметки, которые приходили в «Юманите» со всех концов страны, сортировались, часть из них попадала на полосы газеты, а те, которые содержали факты и цифры, могущие заинтересовать советскую разведку, направлялись советскому военному атташе. Военный атташе, или, чтобы быть точным, человек Берзина в посольстве (до 1938 года официальных военных атташе не было), изучал корреспонденцию и, если она представляла для него интерес, пытался встретиться с рабкором и получить от него дополнительную информацию. Рабкоры никогда не догадывались, что их использует в своих целях разведка.

«Рабкоровский» сектор советской разведки во Франции так и мог бы остаться нераскрытым, если бы в 1932 году один из его агентов не донёс обо всем полиции. В то время главным центром, который принимал и разбирал информацию, была группа Бира – Штрома, более известная под названием «группа Фантомаса».

Исая Бир, возглавлявший эту группу, стал сотрудником советской тайной разведывательной службы в конце двадцатых годов. Поляк по национальности, он был лишен польского гражданства за уклонение от военной службы и приехал во Францию, чтобы изучать инженерное дело в Тулузе. Потом, начав свою разведывательную карьеру, он работал сначала на химическом, а потом на металлургическом заводе. В 1939 году, когда он стал главой группы советских агентов, ему было всего двадцать пять лет. Молодой возраст членов группы (Бир был самым старшим среди них) представляется одной из интересных особенностей этой группы.

Бир жил в скромной комнате гостиницы, не получал почты и почти не принимал посетителей. Строго соблюдая инструкции, он назначал свои многочисленные встречи в парках и кафе. Его прозвали «Фантомасом» из-за способности уходить от слежки и неожиданно появляться. Полиция не без доли восхищения не раз докладывала, как «Фантомас» хитро менял автобусы, чтобы уйти от наблюдения, и как он ускользал через проходные дворы. Он никогда не появлялся в посольстве. Его связной была молодая девушка, которая приходила к нему только после одиннадцати часов вечера. «Люси» – под этим именем ее знали – предпринимала все меры предосторожности и никогда не попадала в поле зрения полиции. А в отеле ее ночные визиты принимали за любовные дела.⁵¹

Главным помощником Бира был Альтер Штром. Он принадлежал к большой группе советских агентов, которые родились в Польше или Румынии и еще детьми были увезены в Палестину, куда их семьи эмигрировали в двадцатых годах. Когда юноша немного подрос, его смутные прокоммунистические представления превратились в фанатическую преданность. Он мечтал вернуться в большой мир и применить свои убеждения и способности в настоящем деле. Он с радостью принял предложение вступить на опасный путь разведывательной работы.

⁵¹ *Petit Parisien*, June 29, 30, 1932.

Бир и Штром добывали информацию либо через «Юманите», либо из провинции, у местных коммунистических лидеров, которые, в свою очередь, получали ее от рабочих. Данные, собираемые Биром и Штромом, соответствовали разнообразию интересов советской разведки и касались размеров французских вооруженных сил за рубежом, производства военных материалов и вооружения, артиллерийских складов в Бриенн-ле-Шато, артиллерийского парка в Сент-Эйли, торпедных аппаратов для подводных лодок первого класса, пятидесятимиллиметровых морских орудий и т. д.⁵²

Однако через год молодой Рикье понял, что служит не идее, а разведывательной организации, и решил сдаться властям. В феврале 1932 года он вошел в контакт с Шарлем Фо Па Биде, высоким чином парижской полиции, и рассказал ему всё, что знал. Сюрте Женераль, которая, естественно, хотела раскрыть всю систему, потребовалось пять месяцев, чтобы распутать этот узел, потому что Рикье не знал ни имен, ни адресов советских агентов. Когда шло расследование, на военном заводе в Туре произошла кража важных секретных документов: исчезли чертежи нового авиационного пулемета. Следствие, которое тайно вели два офицера Сюрте из Парижа, пришло к выводу: чертежи были похищены рабочими-коммунистами, переданы партийному секретарю в Туре и в конечном счете попали к «Фантомасу».⁵³

В июне того же года Рикье передал Биру пачку «секретных документов», которые дала ему полиция, и через несколько минут полиция схватила Бира. Вместе с ним были арестованы Штром и пятеро французских коммунистов, под следствием оказались более шестидесяти человек. Жак Дюкло, знавший, что его роль во всем этом деле раскрыта Рикье, спешно покинул Францию и скрывался до амнистии 1933 года.

После пяти месяцев следствия и разбирательства суд приговорил Бира и Штрома к трем годам тюрьмы. Французские агенты получили сроки от тринадцати до пятнадцати месяцев.

Дело «Фантомаса» было закрыто, но молчаливая битва между советскими спецслужбами и французской контрразведкой продолжалась.

К 1927 году Четвёртый отдел приобрел опыт, подготовил новый персонал и значительно улучшил свою технику. Помощь со стороны французских агентов возрастала из года в год, донесения поступали в Москву по всем возможным каналам, и советский Генеральный штаб владел информацией о всех составляющих французской военной мощи.

Французская общественность и не подозревала о том, насколько глубоко проникли советские спецслужбы в их государственные тайны. Время от времени разведчиков и агентов ловили, судили и приговаривали, иногда ликвидировались целые гнезда советской разведки. Однако через несколько дней страсти утихали. Публика предпочитала не замечать, что факт ареста иностранных агентов, долгие годы работавших во Франции, означал утечку за рубеж сведений с грифом «секретно» и «совершенно секретно».

Характерно, что многие шпионские дела в эти годы были раскрыты лишь благодаря случаю: проезжий возбуждает подозрение своей нервозностью, потерял портфель с документами, произошел пожар в здании. Не вмешайся судьба, агенты могли бы работать еще месяцы и даже годы.

В апреле 1932 года итальянский путешественник Энрико Верселлино, выезжая из Швейцарии, вызвал подозрение нервным поведением на границе и был задержан. В его багаже нашли шифрованные сообщения, секретные документы и большую сумму денег в долларах. В Париже

⁵² D papers, FRd 13a.

⁵³ Во время следствия произошел поразительный случай, заставивший смеяться весь Париж. Офицеры, которые остановились в Шательро, связывались со своим начальством в Париже по телефону, пользуясь, разумеется, кодами. Их разговоры подслушала местная полиция, заподозрила их в нелегальных делах и пригласила на беседу к комиссару. Сначала те отнекивались и выдавали себя за простых торговцев, потом открыли свои имена, но ничего не сообщили о своей настоящей миссии. Они не доверяли местной полиции!

дознались, что Верселлино был курьером советского разведывательного аппарата во Франции и совершал регулярные рейсы между Парижем и Берлином.

Месяц спустя, накануне парламентских выборов, на военно-морской базе в Сен-Назере состоялся большой антикоммунистический митинг. К концу митинга, когда Анри Готье, известный коммунист из Парижа, попросил слова, вспыхнула драка. В суматохе Готье бежал, бросив свой портфель, в котором полиция обнаружила множество документов о французских арсеналах, подводных лодках, крейсерах, авиационных заводах и т. д. Готье сумел исчезнуть.⁵⁴

В августе 1933 года в одном парижском доме случился пожар, и в нём обгорел некто Люсьен Дюкенной. Его доставили в больницу. Полиция пришла в изумление, обнаружив среди спасенных из огня его вещей несколько револьверов, патроны и добрую дюжину брошюр военного министерства с грифом «секретно» и с описанием новых пулеметов, 37-миллиметровой пушки, тяжелой артиллерии, танков и тому подобной техники.

В другом случае полиция, ведя постоянную слежку за человеком по имени Кассио, арестовала его при выходе из здания «Юманите». При нем нашли паспорт на имя Фейара и очень любопытные бумаги. В папке под названием «Префектура полиции, военные документы» лежали планы и фотографии крепостных сооружений, штатные расписания армейских и военно-морских подразделений и список секретных корреспондентов. Но самым интересным материалом оказался меморандум о Красной Армии, украденный из генерального штаба Франции.

Дело Кассио случилось в июле 1929 года, когда правительство пыталось подавить «анти-милитаристскую» деятельность коммунистической партии. Четыре месяца продолжались аресты и допросы, многие высшие партийные руководители были отданы под суд, среди них и Марсель Кашен, Андре Марти, Жак Дюкло и Жак Дорио. Всего было привлечено к ответственности 160 человек и около двадцати – арестованы, большинство из них не по обвинению в шпионаже, а за подстрекательство к свержению режима.

Между 1928-м и 1933-м во Франции сформировались группы способных агентов. Расширившаяся сеть приобрела пропорции, необычные даже для большого советского аппарата. Когда в 1933–1934 годах эта сеть была разрушена, официальные списки включали 250 человек. Как всегда, многие разведчики остались нераскрытыми.

Лидия Шталь, одна из наиболее интересных представительниц советской секретной службы во Франции, в 1928 году вовремя скрылась и уехала в Нью-Йорк, где и жила, пока не улеглось эхо скандала. Тогда Москва приказала ей вернуться в страну, где она служила раньше.

Лидия Шталь была одним из тех секретных агентов, которые стали разведчиками уже в зрелом возрасте. Она родилась в Ростове в 1885 году, ее девичья фамилия была Чкалова. Ее муж, Роберт Шталь, был богатым и знатным человеком. Во время революции семья Шталь лишилась имений в Крыму и эмигрировала в Соединенные Штаты, где получили американское гражданство.

Когда в 1918 году умер их единственный сын, убитая горем и одинокая, Лидия вернулась в Европу. Она подружилась с коммунистами и жила в Париже как типичная русская студентка старых времен. У нее была маленькая скромная квартира, она плохо одевалась, спутанные волосы и туфли со сбитыми каблуками создавали впечатление неопрятности. В двадцатых годах она основала в Париже хорошо оборудованную фотостудию, где копировались секретные документы. Она доставляла их в Берлин в поясе, затянутом вокруг талии. Ее статус студентки был не только прикрытием ее подпольной операции, она и в самом деле изучала медицину в Соединенных Штатах и юриспруденцию во Франции. Потом она взялась за восточные языки, очевидно готовя себя для работы на Дальнем Востоке.

⁵⁴ *Le journal* (Paris), May 25, 1932, and *Berliner Tageblatt*, May 27, 1932.

В 1923 году Лидия сблизилась с профессором Луи Пьером Мартеном, бывшим атташе военно-морского министерства и кавалером ордена Почетного легиона. Однако они жили раздельно. Мартен пытался внушить ей свои представления о жизни – спокойной жизни профессора, который каждое лето проводит отпуск в имении отца в Перигоре.⁵⁵

Другим ветераном советской разведки во Франции был отставной полковник Октав Дюмулен, издатель журнала «Армия и демократия», активно работавший на советскую разведку еще с 1923 года. Дюмулен жил некоторое время в Москве, но во Франции выдавал себя за нейтрального эксперта по военным делам, никак не связанного с коммунистами. Никто не удосужился проверить, откуда он в действительности ежемесячно берёт 4 тысячи франков на издание журнала, которые ему якобы дают друзья. Дюмулен был так хорошо прикрыт журналистикой, что его истинное занятие долго оставалось в тени.

Другим обладателем американского паспорта в этой сети была Полина Якобсон-Левина из Нью-Йорка. Среди агентов были и румынские граждане, выходцы из Бессарабии, которая до 1918 года была российской провинцией. Когда эту территорию аннексировало бухарестское правительство, они автоматически превратились в румын. Вениамин Беркович, кассир и финансовый операционист, Ватрослав Райх, химик, Байла Инглэнд, студентка и некоторые другие советские агенты во Франции были родом из Бессарабии.

Сеть имела множество задач. Одни из ее участников должны были собирать информацию об армии, о дислокации военных частей, мобилизационных планах. Другие концентрировали внимание на определенных военных заводах и их продукции. Особый интерес представляла почта военных представительств. Сотни писем были украдены, скопированы и переправлены за границу. Французский инженер Обри из военного министерства и его жена поставляли информацию о взрывчатых веществах. Лидия Шталь ухитрилась даже переправить в Берлин пулемёт новейшего типа.

Одна из главных задач сети состояла в получении данных об отравляющих газах и бактериологическом оружии. Россия уже начала работы в этой области, и Москва желала знать формулу нового синтезированного во Франции газа. Главным информатором был Ватрослав Райх, сотрудник химико-биологической лаборатории, который выкрадывал документы во время ленча, спешно их фотографировал в служебной комнате, а потом возвращал их в папки, прежде чем другие сотрудники успевали вернуться к своим ретортам.

Большое число людей было занято технической работой, такой, как фотосъемка и переправка документов. Бизнесмен Вениамин Беркович и его жена входили в элиту сети. Марджори Свитц, а также школьная учительница Мадлен Мерме и супруги Зальцман были опытными фотографами. Бессарабская студентка Байла Инглэнд установила у себя дома мебель с секретными панелями и ящиками с двойным дном.

Техника дела и конспирация были гордостью этой сети. Члены группы, в отличие от других советских агентов, кроме кличек, имели также номера, что делало их разоблачение еще более трудным. Москва окружила группу особой заботой – им регулярно выплачивались крупные суммы. Но все они жили скромно в недорогих гостиницах, мало тратили, и никому и в голову не пришло бы проверять источники их доходов. Путешествуя по железной дороге, особенно с документами, они покупали все места в купе, чтобы рядом не было случайных попутчиков. У всех было хорошеекрытие – они числились учащимися, бизнесменами или художниками.⁵⁶

Группа считалась парижской, но на самом деле прибыла из Берлина. Столица Германии, как уже упоминалось, до 1934 года являлась аванпостом разведки в Западной Европе. Из предосторожности советские спецслужбы часто держали главных руководителей агентурных

⁵⁵ *Posledniya Novosti*, Dec. 23, 24, 29, 1933.

⁵⁶ *New York Times*, March 21, 1934.

сетей вне стран, где шла основная работа. Югослав Маркович, центральная фигура во всех операциях, проводимых во Франции, тоже жил в Берлине до августа 1933 года, когда его сменил «Авиатор».

«Авиатор» – Роберт Гордон Свитц, был американцем, сыном богатых родителей, которые жили в Ист-Орандже, штат Нью-Джерси. Он учился сначала в США, потом во Франции, которая стала для него второй родиной. Свитц был типичным представителем значительной части своего поколения, в нем сочетались высокие гуманистические принципы, склонность к пацифизму и прокоммунистические убеждения с полным незнанием советской реальности. В 1931 г., признав догматы коммунизма, «Авиатор» охотно согласился на опасную работу секретного агента Москвы. «Я устал, – писал позже Свитц, – от ничегонеделания, от легких денег и беспечной жизни. В советской спецслужбе в Нью-Йорке и Вашингтоне поняли, как живо я интересуюсь русским экспериментом. Я и на самом деле был идеалистом-коммунистом. Было решено, что я поеду в Москву, чтобы начать работу. Я отправился туда под видом авиационного инструктора».⁵⁷

В Москве Свитц, как и многие иностранцы до и после него, мало что понял в коммунистической реальности, но когда он вернулся домой, чтобы начать новую деятельность, его вера была все еще непоколебима. В качестве прикрытия он избрал роль торгового представителя компании «Макнейл инструмент», которая производила оборудование для авиации. Судя по заявлению одного из работников этой фирмы, «он ни разу ничего не продал». Свитц женился на Марджори Тилли, которой к тому времени исполнилось девятнадцать лет. Юная миссис Свитц не только последовала за мужем, но быстро достигла определенных успехов.⁵⁸

В 1931–1932 годах супруги Свитц обучались фотографии в Соединенных Штатах, чтобы заменить Лидию Шталь, когда та получит приказ вернуться в Париж. Через их фотолабораторию прошла масса документов. Через них же советская разведка получила совершенно секретные документы армии Соединенных Штатов, включая чертежи форта Шерман и «Белый план» – план операций в зоне Панамского канала на случай мятежа или революции.

В июле 1933 года супруги Свитц получили приказ переехать в Париж и возглавить одну из групп. События повернулись так, что разведывательная работа во Франции отделилась от берлинского штаба, потому что с приходом к власти нацистов Берлин уже не мог оставаться центром советской агентурной сети в Западной Европе. Западноевропейское бюро Коминтерна переехало в Копенгаген, надо было искать новые каналы связи с Москвой. В августе 1933 года советский шеф французской группы Маркович приехал в Париж, чтобы передать часть своего аппарата Свитцу. Свитц был представлен своим наиболее важным будущим сотрудникам и помощникам. «Пожалуйста, – сказал им Маркович, – обратите особое внимание на Обри, его задача – отравляющие газы».⁵⁹

К тому времени французская полиция была встревожена активностью расширяющегося советского подполья. В 1933 году контрразведка обнаружила связь между Лидией Шталь и Ингрид Востром, которая была арестована в Финляндии. Мисс Востром, одна из лучших подружек Лидии, рассказала финским властям о деятельности Лидии, ее несчастливой жизни и ее работе в качестве секретного агента. Начав с этой точки, французская контрразведка провела расследование и раскрыла большую сеть, в которой Лидия Шталь была важным звеном.

Свитц попал в поле зрения полиции при его встрече с Марковичем, о котором полиция уже знала. Маркович избежал ареста, а супруги Свитц остались в Париже и продолжили свою опасную работу. За несколько дней до Рождества 1933 года неизвестный мужчина (советский

⁵⁷ *The Times* (London), April 18, 1935.

⁵⁸ *New York Times*, Dec. 22, 1933.

⁵⁹ *Posledniya Novosti*, April 11, 1934.

агент в Сюрте?) позвонил по телефону Свитцу и сказал, что если он не уедет немедленно, то будет арестован. Свитц остался.

На следующий день прибыли полицейские. В его комнате они нашли корреспонденцию французского военного ведомства, письмо, написанное лично военным министром, и две записи, посвященные вооружению и дислокации войск. Все эти документы имели гриф «секретно». Когда нагрянула полиция, Свитц хранил у себя один из секретных докладов Дюмулена, который был сфотографирован Марджори на очень тонкой бумаге. Он был свернут в трубку и вставлен в сигарету. Пока шел обыск, встревоженная, миссис Свитц зажгла сигарету и выкурила ее до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.